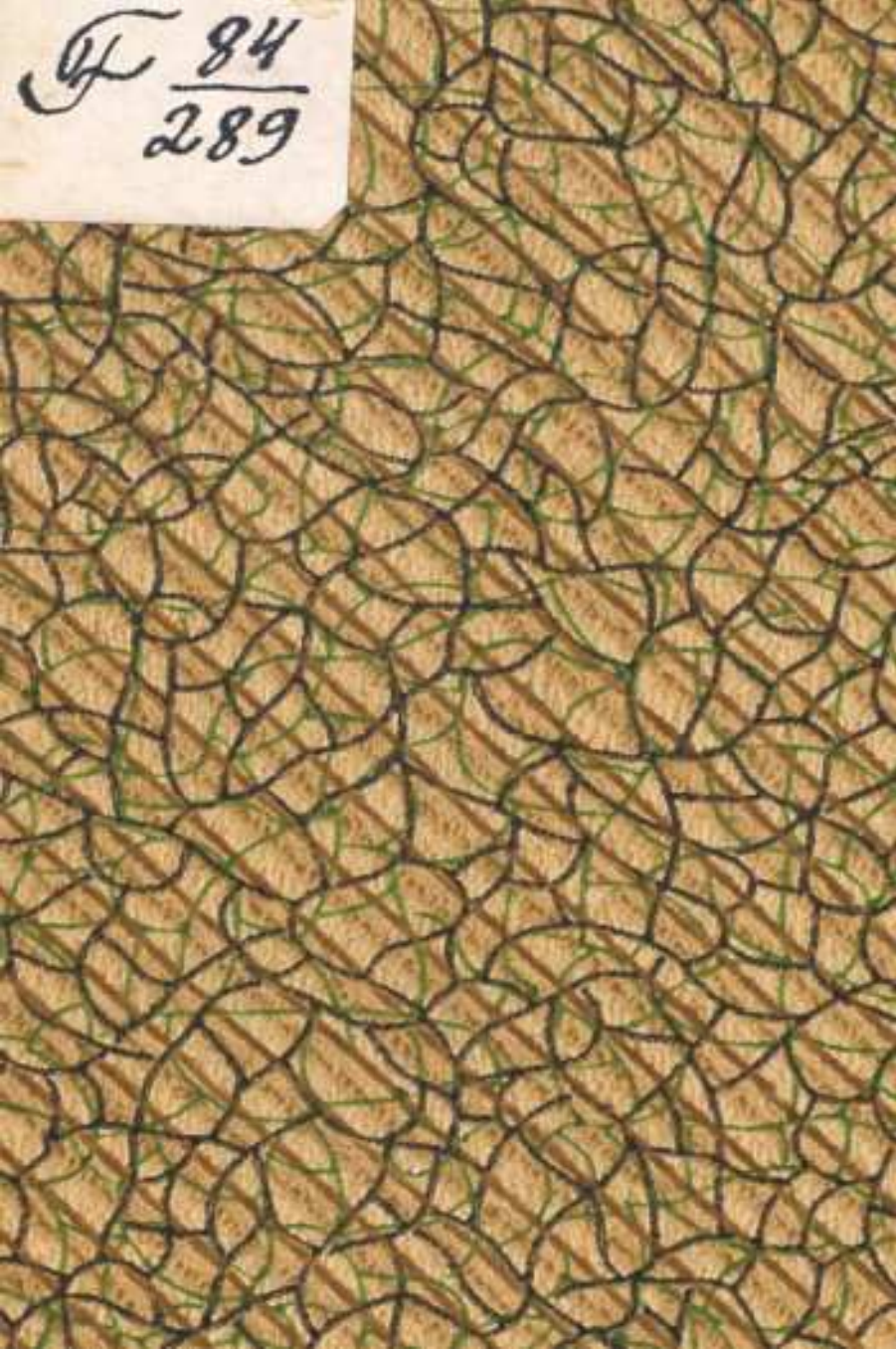

F 84
289

А. Погосскій.

СТАРИКИ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

Цѣна 20 коп.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. А. Такалова, Садовая, 27.

1902.

NEW YORK

А. Погосскій.

СТАРИКИ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 ноября 1901 года.

2007054356

СТАРИКИ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

I.

16-я мушкетерская рота.

Съ рекрутства поступилъ я въ резервный батальонъ, въ 16-ю мушкетерскую роту. Намъ человекъ тридцать было назначено въ эту роту. Ротный командиръ осмотрѣлъ насъ и распредѣлилъ по отдѣленіямъ, а отдѣленный тутъ же назначилъ каждого къ „дядькѣ“. Я попалъ къ Ивану Егоровичу Гладышу, царство ему небесное—убить.

Иванъ Егоровичъ былъ человекъ невзрачный и маленько понурый, но простой и не грозный...

Нынѣшній рекрутъ пожалуй и не пойметъ меня: это было въ 1853 году, значить—слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ. Тенерь грозныхъ людей нѣтъ: тенерь рекруту житье; не то что дома, а и въ гостяхъ похуже бываетъ, чѣмъ вамъ на службѣ. А въ наше время было не такъ: бывало, приведутъ тебя, съраго волка съ бритой башкой, чуть что не изъ-за тридцати земель, дадутъ тебя дядькѣ и прикажутъ

ему— „оболвани-моль дурака“. Поглядить на тебя дядька изъ-подъ бровей: „а какъ тебя кличутъ?“ спросить. Ты ужъ и чувствуешь, что до тебя добираются: „Ондрей, дядюшка, либо Степанъ, либо Ляксѣй?“ отвѣчаешь по крестьянски. Ну этого ему и надо: „а вотъ я, братъ Ляксѣй, изъ тебя Алексѣй буду дѣлать!“—И пошла работа. А работа эта была такая, что по ночамъ—и въ колѣнкахъ, и въ носкахъ, и въ снѣжѣ, и въ поспѣнцѣ, и пониже того—отзывалась такъ, что и жизни не радъ.

Каждое ученье „дядюшка“ ощущиваетъ да оболваниваетъ тебя: „вѣдь съ тобой, говорить, свѣтъ ты мой, больше работы, чѣмъ съ коноплей доброй: это—тебя разночи, да высуши, да вытрепи, да расчеши“... Ну и исполнить все это аккуратно, какъ по-писанному.

Вотъ почему и говорю, что дядька мой Иванъ Егоричъ былъ, благодаря Бога, не грозный человѣкъ: онъ былъ не таковъ.

Когда я въ первый разъ пришелъ къ нему на квартиру, онъ меня разспросилъ обо всемъ: какой губерніи, уѣзда, изъ какой деревни, о родителяхъ и о прочихъ домашнихъ обстоятельствахъ. И говорить мнѣ: „ну братъ, видно есть за тебя богомольцы, что попалъ ты въ нашу роту: нашъ старика-капитанъ—душа человѣкъ“. Я вздохнулъ и вспомнилъ о моей старушкѣ матери; а о нашей ротѣ ужъ я слышалъ прежде.

Дивился я только—почему капитана называли „старикомъ“: ему на-видъ и тридцати лѣтъ нѣтъ. И оскѣбился я спросить о томъ дядьку; но онъ мнѣ ничего не объяснилъ, и только сказало: послужишь—такъ и самъ узнаешь. Потомъ и догадался, отчего капитанъ прозывается такъ: онъ

не любилъ щегольства, ходилъ старикомъ и всѣхъ отъ мала до велика кликалъ стариками; и съ ротой адоровался: „здорово, старики“.

Штабсъ-капитанъ Степанъ Алексѣевичъ Старскій — пошли Господь ему добраго здравія и великаго благополучія! — командовалъ нашей ротой уже лѣтъ шесть. И такую душу Богъ далъ этому человѣку, что онъ намъ всѣмъ былъ все равно — что родной отецъ. Командиръ былъ онъ строгій и по службѣ ванскательный: неисполненія приказанія никогда не прощалъ, а Боже избави кто согрѣшитъ или неповинуется унтеръ-офицеру — пропалъ человѣкъ! О воровствѣ и слышать не хотѣлъ: „вора между честныхъ людей не должно быть — говаривалъ онъ — честные люди виноваты, если товарищъ у нихъ воръ: всѣ гляди за нимъ!“ — Ну, а во всѣхъ прочихъ проступкахъ и ошибкахъ — милосердіе къ солдату имѣлъ подлинно отеческое. И при томъ всякую нужду солдатскую зналъ онъ, какъ свою: иди къ нему смѣло, говори какъ отцу. „Знаю, старикъ“ отвѣтитъ тебѣ и, въ чемъ можно, непременно пособить.

Это прежде всего узнали всѣ новобраненные въ роту рекруты. Каждый старый солдатъ первымъ дѣломъ считалъ похвалиться командиромъ передъ новобранцами: „противъ нашего Степана Алексѣевича не то что по полку, а по всей арміи мало начальниковъ! Послужи, такъ узнаешь, каковъ нашъ старикъ!“ — Дѣйствительно, скоро увидѣли мы, что рѣчи эти ибрыны; у всѣхъ рекрутовъ повеселѣли зануганные лица, каждый благодарилъ судьбу за то, что попалъ въ 16-ю роту.

Какъ на подборъ къ капитану, былъ у насъ и поручикъ, тоже „старикъ“ — Федосій Николаевичъ Орешниковъ — точно

такая же солдатская душа. И его вся рота любила почти также, какъ капитана.

Стоянка у насъ была хорошая, въ хлѣбородной сторонѣ: солдаты никакихъ жалостей и притѣсненій хозяевамъ не дѣлали, и хозяева за то насъ уважали. Ученье у насъ производилось, правда, каждый день, но безъ всякихъ наказаній.

Ладно шло дѣло. Къ концу года всѣ наши старики рекрута стали въ строй; иные выучились службѣ на порядкахъ—стрѣляли ловко, ходили твердо и глядѣли со-всѣмъ старыми солдатами. Я, не хвастая, былъ не изъ послѣднихъ, и когда прибыли новые рекрута, ниѣ даже дали одного лоботраса, какъ будто въ плеянии. Самъ капитанъ приказалъ: будь ему за дядьку. Прозывался онъ Антономъ Арефьевъ, вѣчная память—убить.

Въ это время наши войска воевали въ Турціи; въ приказахъ было сказано: обложили Силистрію. Ну, каждый рекрутъ знаетъ, что война съ Туркѣмъ не Богъ-вѣсть какое богатырство: одна суета—а больше ничего, потому что турки не стойки въ дѣлѣ и легки на ногу. Старые солдаты отставные рассказывали, еще когда мы были по докамъ, что въ 1829-мъ году гнали его, какъ барана, подъ самый почти Царьградъ. Да въ Адрианополѣ султанъ запросилъ мира: царь и приказалъ заключить миръ.

А на этотъ разъ слышимъ мы, что дѣла у турки пошли получше. Однажды послали отъ насъ въ дѣйствующіе полки по 20 человѣкъ съ роты. Передъ наступленіемъ нашей команды въ штабъ, Степанъ Алексѣевичъ осмотрѣлъ ее передъ ротой и сказалъ рѣчь. Степанъ Алексѣевичъ обыкновенно говорилъ мало, но когда, бывало, говорить—

все единственно, что рубить: и кругомъ тишина—муха не пролети! каждое его слово солдатъ повѣкъ помнить. Вотъ что онъ говорилъ выстунавшей командѣ:

„Поздравляю съ походомъ, старики!—Помни: на походѣ у пѣхоты первые дѣло—ноги; береги ноги. И всего себя держи свѣжо: вода и роса святое дѣло—мойся чаще. Ышь, пей и спи въ-мѣру; пой пѣсни и молись Богу въ часъ. Приведетъ Богъ въ дѣло—это твой праздникъ, повѣрка—чего ты здѣсь стоишь и кто ты такой: честный воинъ или дрянъ-человѣкъ.

„Въ дѣлѣ—ухо на сторожѣ, глазъ на чеку, держись своего мѣста. Береги пулю: каждая пуля стоитъ человѣка. Скажутъ—впередъ! лопи хоть на стѣну; велитъ—назадъ, отступай съ оглядкой. А какъ гаркнуть—въ штыки: клади врага лоскомъ или самъ въ прахъ разбейся—серединѣ ибѣтъ. За то всякая тебѣ честь и слава: ты—солдатъ!

„Еще помни, что и въ чужой землѣ безоружнаго не тронь: женщинъ, старцевъ и дѣтей не обижай—на то ты христіанскій воинъ.

„Прощай, старики! помни 16-ю мушкетерскую: тутъ твоя солдатская колибель!—Богъ съ вами!“... И Степанъ Алексѣевичъ снялъ фуражку и осѣнилъ команду крестнымъ знаменіемъ.

Команда вскрикнула: „Рады стараться! попорно благодаримъ за отеческое ваше начальство!“ а у другого на аммуницію и слезинка капнула... Сказавъ, значить, задумавъ, до сердца дошелъ!

Эти канитанскія слова помнилъ ниниуть каждый рекрутъ.

Такимъ образомъ жили мы ладно, и дѣло шло у насъ

исправно. Иванъ Егорычъ—царство ему небесное—квартировала рядомъ со мной, у небогатой вдовушки. Молодица была очень пригожа, но скромная. Иванъ Егорычъ—человѣкъ неказистый, но обстоятельный. Я любилъ его больше, чѣмъ родного дядю; ибо отъ родного дяди науки никакой не получилъ, окромѣ того что бывало чубъ надереть, въ своихъ огурцахъ меня заставши—когда я еще мальчишкой бѣгалъ. А дядька Иванъ Егорычъ, мало того, что первоначальной службѣ научилъ, но и объяснилъ мнѣ всю суть нашей солдатской жизни—словомъ разужу выучилъ.

Бывалъ я всякій день у Ивана Егорыча и никогда не заставлялъ его праздничь: всегда бывало, если у него нѣтъ своего дѣла, то онъ конешится около какой-нибудь хозяйской работы: ну, и я помогалъ ему. Известно, у хозяйки—дѣло женское: нельзя ей съ топоромъ или бревномъ какимъ-нибудь самой управиться: а работникъ у нея одинъ. Вотъ мы съ дядькой и подсобляли ей. И вскорѣ запрямятилъ я, что у нихъ идетъ дѣло къ большому согласію и очень хорошо, а худого ничего нѣтъ. Ну, думаю себѣ—и слава Богу.

Разъ вечеромъ прихожу къ Ивану Егорычу—сидитъ у него ефрейторъ Тетерюкъ, первый стрѣлокъ по ротѣ, а табачникъ первый по всему полку. Капитанъ его очень любилъ и всегда понохивалъ у него изъ тавлинки.—И рассказываетъ Тетерюкъ, что пріѣхалъ изъ Петербурга изъ нашъ батальонъ и назначенъ въ нашу роту „молодой“ офицеръ—подпоручикъ Блесинъ. Бравый, говоритъ, офицеръ, а впрочемъ, неизвѣстно каковъ. Дядька отвѣтилъ: увидимъ.

Каковъ былъ новый подпоручикъ—увидѣли мы скорѣе, чѣмъ думали. Вотъ что вышло.

На завтра, собирались на ротный дворъ на ученье, послали я впередъ Арефьева, чтобы забѣждалъ за рекрутникомъ Евдокимовичемъ; убить—вѣчная память. Дядька его на вѣстяхъ былъ въ канцеляріи; тоже убить—царство ему небесное.—Выхожу за деревню, вижу—они меня поджидаютъ; мы пошли втроемъ. Нагнали еще человѣка пять и пошли вѣстѣ. Приняли въ манежъ за-враня: люди собираются, снимаютъ шинели, приставляютъ у стѣнки ружья.

Минутъ черезъ десять входитъ фельдфебель—Иванъ Никитичъ Бурлаковъ, царство ему небесное—не убить, а послѣ отъ ранъ померъ.

Становись! командовалъ.

Только становимся мы, гляжу: Евдокимовъ горячку поречь, обзрѣвается и за обшлагомъ въ шинели ищетъ чего-то. Отдѣленный крикнулъ ему: „Въ свое мѣсто!... А отчего, говорить, у тебя на погонѣ пуговицы нѣтъ?“

— Не могу знать, Ефимъ Степановичъ!

„А не можешь знать—хозяинку спросилъ бы: чего она не глядитъ за тобой!“ Евдокимовъ и жалуется ему, что вотъ-де еще патлатый и мотокъ нитокъ изъ-за обшлага кто-то стянулъ у него, да кстати и пуговку съ погона.

— Какъ такъ?

Оказалось, что въ самомъ дѣлѣ кто-то сшилъ.

У ротозѣевъ пуговицы съ погоновъ ружейныхъ, дѣйствительно, пропадали часто; но у насъ эту шутку фельдфебель вывелъ, да и вообще никакихъ пропажъ и покражъ данно не случалось: капитанъ неважно дѣло пуще всего на свѣтѣ.

Какъ только услышалъ фельдфебель о такой пакости,

такъ сейчасъ же командуешь, рекрута впередъ! становись! смирно!—Въ минуту рекрута построились; обошелъ ихъ, а самъ ворчить: Пустыни! это не пронадесть! а только не здорово будетъ и тому кто спалилъ.

Отошелъ шаговъ на пять передъ ними и говорить: выходи—кто виновать, а то худо будетъ.

Тишина настала такая, что и Боже мой!—только хохутикъ на штыкъ у кого-то играетъ во фронтъ: трасеть кого-то мелкая лихорадка.

Теперь ружья безъ темпу, все пригнуто вилотную, а въ наше время, иное ружье—что твои музика: наждакомъ да пескомъ растерты да разверчены все ружейныя части—поеть, сударь мой, словно, мелкое серебро у богача въ карманѣ.

Фельдфебель улыбнулся какъ-то криво и говорить: Вишь ты, дуракъ! съ честнаго человѣка аммуницію получилъ—она тебя и выдаетъ: у кого это штыкъ бренчить!

Слышимъ—двое дрожать. Фельдфебель взглянулъ по фронту и крикнулъ: Чехардинъ, Арефьевъ впередъ!

Они вышли впередъ.

„Отчего ты дрожишь? спросилъ фельдфебель Чехардина.

— Страшно, Иванъ Никитичъ!—отвѣтилъ Чехардинъ, а у самого и носъ побѣдился.

„Это ты спалилъ?“

— Никакъ нѣтъ-съ, а только мнѣ страшно.

„Ну, такъ ты?“ спросилъ фельдфебель Арефьева, да поглядѣлъ на него такъ, что у бѣдняги и языкъ замерзъ.

„Говори!“

— Звать не знаю... началъ было мой племянъ, да и задрожалъ весь, а штыкъ у него такъ и стучить душкой о дуло.

„Говори, говори честная душа!“ — ободряетъ его Иванъ Никитичъ — слышь какъ ружье за тебя рапортуетъ!“

Зашатался мой Арефьевъ — и такъ и ахнулъ: ахъ ты, протопызаема!

Фельдфебель приказалъ отдѣленному поговорить съ ворышкой, а самъ отвернулся къ другимъ:

— И Боже васъ сохрани, ребята: лучше на свѣтъ не родись, чѣмъ красть... На свои мѣста — маршъ!

Глядь — входитъ капитанъ съ офицерами.

„Здорово, старики!“

— Здравія желаемъ! кричишь и видишь, что плохо будетъ дѣло. Тетерюкъ стоялъ съ краю: капитанъ протянулъ руку — тотъ подставилъ тавлинку; капитанъ понюхалъ табачку. Веселый такой — заговорилъ съ рекрутами; новый подпоручикъ — видишь, нѣ самымъ дѣлѣ молодець, еще и усомъ нѣтъ, а видъ отважный; только маленько, какъ будто, все ухмыляется.

Вотъ, только фельдфебель подошелъ къ капитану — отрапортовалъ ему; сказалъ что-то и на Арефьева глазами вскинулъ: капитанъ весь нахмурился. Ничего никому не сказалъ, только глянулъ грозно, насунулъ фуражку на глаза — и вышелъ изъ манежа. Офицеры за нимъ.

Ну, и окружили всѣ мы Арефьева-ношенника... Отдѣленный только головой качалъ передъ нимъ: „Ахъ ты прокъ! ахъ ты овсянникъ блудливый! Да, говорить, знаешь ли, что я изъ тебя сработаю?“ — Признаться, я самъ, будь моя воля — живого мѣста не оставилъ бы на ношенникѣ: такъ меня изобидѣлъ онъ этиахъ поступкомъ!

Я и говорю отдѣленному: „Представьте, сударь, мнѣ“...

А онъ мнѣ на это:— Да нешто ты въ этомъ дѣлѣ святъ будешь? развѣ не тебѣ онъ сданъ на руки!

У меня и въ глазахъ зарыбило: такое слово услышать долженъ я отъ начальства за воришку. „Я жъ тебя дойду!“—говорю... И всѣ выпустились на него какъ слѣдуетъ, а въ немъ, подлецѣ, и души нѣтъ. Но жалости никакой тутъ быть не можетъ, а еще пуще вслѣдъ за нимъ на него озабочился:

„Ахъ ты идолъ треклятой... такой-сякой!... величаютъ его, кто какъ уищетъ. Онъ сробѣлъ, пропалъ— что-то хотѣлъ сказать, но отдѣленный такъ крикнулъ ему, что у него и голосъ замеръ.

Вдругъ слышимъ: „молчать!“

Всѣ оглянулись: новый подпоручикъ стоитъ позади насъ, и все это, значитъ, видѣлъ и слышалъ. Мы и не замѣтили, какъ онъ вернулся въ манежъ. Ничего больше никому не сказалъ подпоручикъ, а только воръ говорить: ступай за мной!

Самъ пошелъ—и воръ за нимъ... Вотъ оказія-то!

Такъ всѣ въ манежѣ ротъ разинули и руки опустили. Насилу опомнились.

— Оказія! сказалъ отдѣленный.

— Дѣйствительно—оказія! повторили почти всѣ, и начали „одиночку.“

II.

Новый подпоручикъ.

Идя съ ученья по домамъ, толковали солдаты о поступкѣ новаго подпоручика и не знали, что подумать, всякому было удивительно: какъ такъ—защитить воринку?

Этого случая еще не бывало! толковали люди.

„Ты только рассуди: молчать! идти за мной!... вилъ вора и пошелъ! Господи Боже мой—имѣть же смѣлость человѣкъ!“

— Ну, а только поступилъ онъ такъ, стало быть, не съ-проста.

Въ самомъ дѣлѣ—никто изъ насъ не зналъ, что и думать, а отдѣленный всю дорогу молчалъ, не отзывался ни словомъ.

Вечеромъ я былъ у отдѣленнаго; онъ курилъ трубку и сталъ снимать сапоги; вдругъ прибѣгаетъ ефрейторъ съ приказаніемъ: завтра одиначка, нѣкоторые рекрута на при-мѣрку. А насчетъ Арефьева приказано—ни гу-гу, не-только что пальцемъ не трогать, а и не говорить ему ничего.

Оканія! проворчалъ отдѣленный—и сунулъ трубку подъ лавку, а сапогъ поставилъ на столъ; и самъ разсѣялся спохватившись: „что я—никакъ съ ума спятилъ?“ А мы съ ефрейторомъ только глядимъ. Оканія и есть!

На завтра подпоручикъ пришелъ въ манежъ, поздоровался съ людьми: всѣ отвѣтили робко. Онъ осматрѣлъ первый взводъ. На Арефьевѣ лица не было: блѣденъ какъ полотно, а глаза красные. Стоить себѣ въ сторонѣ и ни гу-гу!... Капитанъ и поручикъ не приходили.

Послѣ ученья—гляднишъ: Арефьевъ опять пошелъ за подпоручикомъ.

Гладнишъ оставался на ротномъ дворѣ съ рекрутами, которые ходили къ прижѣркѣ, вернулся поздно. Иду я къ нему, а тамъ уже сидитъ Тетерюкъ и еще одинъ солдатъ изъ старыхъ. Гладнишъ рассказываетъ мнѣ, что видѣлъ Сашина, а Сашинъ неумудрый солдатикъ вѣстовишъ у подпоручика—кушанье отлично готовить уѣбеть, что насчетъ до суповъ и бѣтковъ.

„Ну я, рассказываетъ Гладнишъ, и спрашиваю Сашина: а что подпоручикъ?

„А ничего, говорить, важный офицеръ“.

— Ну, каковъ въ обхожденіи?

„Да, говорить, самопростѣйшій человекъ: одно слово—простой!“

И рассказалъ насчетъ Арефьева: „придетъ изъ манежа къ намъ, ноетъ, плачетъ и молится—заступитесь, ваше благородіе, будьте отцемъ!—Ну, ходилъ подпоручикъ къ капитану; говорятъ—нездоровъ: ходилъ къ поручику—и неизвестно, что тамъ было.“

Спрашивалъ я Сашина: какъ онъ съ тобой?—Лучше быть не можетъ, говорить: что отъ обѣда останется—ѣшь, отоплеть чай—сейчасъ положить два куса сахару на подносъ, бери, говорить, самоваръ, пей сколько влѣзетъ, хоть ведро вишней—твое дѣло!

Однако, каждый понималъ, что дѣло неладно: признать человека въ несчастіи, въ ошибкѣ, въ другой какой бѣдѣ—можно и по добродушію слѣдуетъ. А полагать вору—не законъ; это не служба! Степанъ Алексѣевичъ такихъ распорядковъ никогда не потерпитъ—мы это знали. А какъ

такъ подпоручикъ, офицеръ бравый и простой, пошелъ противъ капитана, противъ начальства—этого, разужьется, и повать невозможно.—Ничего больше, значить, какъ по молодости лѣтъ и незнанію настоящей службы. Подождешь, думаешь—что будетъ.

На завтра опять въ манежъ,—глядимъ, Арефьевъ на-силу стоитъ: ноги какъ сложенные, и глаза ужъ распухли. Пришелъ подпоручикъ и опять занялся своимъ изводомъ. А капитана и поручика опять нѣтъ. Подпоручикъ учить, поправляеть кого надо, показывается. И вдругъ взялъ онъ у обучающаго ружье и самъ толкуеть рекруту: такъ и такъ молъ. Да бегъ перчатокъ—какъ хватить хватку на—ру-ку! Отдѣленный только покосился—самъ въ образцовомъ полку науки кончилъ: видитъ—чистота такая и ружье у него какъ перо.—Вона ты какой! подумали мы.

Не можетъ быть, чтобы такой пошелъ противъ капитана: тутъ что-нибудь да не то. Такъ всѣ и порѣшили.

И опять Сашинъ рассказывалъ солдату одному, что самъ слышалъ, какъ Арефьевъ въ третій разъ сталъ просить подпоручика: „Заставьте вѣчно Бога молить, ваше благородіе, заступитесь за глупость мою, за родителей моихъ!..“ И что подпоручикъ вдругъ вскочилъ, какъ будто что подкинуло его, и говоритъ! „Давай мнѣ слово, что по вѣкъ, пока живъ, воровать не будешь?“ Арефьевъ задрожалъ: „какъ передъ Богомъ, не буду, отецъ родной!“ — „Довольно! ступай, понались—Богъ простить, а я стою за тебя, какъ за себя!“ Арефьевъ и дверей не нашелъ: я его вывелъ,—рассказывалъ Сашинъ. Что это будетъ, думаю.

Вотъ на завтра опять въ манежъ: подпоручикъ опять перебираетъ изводъ, а Арефьевъ стоитъ въ сторонѣ сиро-

та-спротою.—Только вдругъ входить капитанъ съ поручикомъ: „здорово старики“! Мы отвѣтили какъ одинъ.—Глядя, подпоручикъ присанился, идетъ прямо на капитана, взялъ подъ-козырекъ и начинаетъ рапортъ... Капитанъ его за руку и не далъ кончить:

„Ну что, усовѣстили негодяя? спрашиваетъ его: не станетъ воровать?

„Даю вамъ честное слово, Степанъ Алексѣвичъ, что не станетъ!“ отвѣтилъ подпоручикъ, такъ что почти все это слышали.

Капитанъ взялъ его за руку и поблагодарилъ: „нашего, говорить, полку прибыло—большое вамъ за то спасибо, старики!“ И, глянувъ на Арефьева, приказалъ ему стать на свое мѣсто.

Вотъ-то и вся не долгая; никакой, значить, экзекуціи не будетъ! у всѣхъ словно камень съ души свалился.

Я сталъ учить Арефьева,—онъ стоитъ весь красный, глаза полнехонки слезъ, такъ и хотятъ брызнуть.—И вижу я, что онъ точно какъ въ горичей банѣ, и осатаѣлъ,—ничего не видитъ и не слышитъ, а только качается. Со-всѣмъ одурѣлъ человѣкъ.

Капитанъ былъ очень веселъ: нюхалъ у Тетерюка изъ тавлинки табакъ, съ рекрутами говорилъ и шутилъ. Но прошло и часу какъ мы собрались, а онъ крикнулъ: „Стоять вольно! учились хорошо, старики,—по домамъ!“

— Радъ стараться, ваше благородіе!

Капитанъ взялъ подъ-руку подпоручика и вмѣстѣ съ поручикомъ все пошли.

Фельдфебель крикнулъ намъ: „строиться у наежа!“

Живо всѣ вышли, построились—капитанъ обернулся: „пѣсельники впередъ!“ говорить.

Залѣвало Герасиновъ заткнулъ:

„Таки растаскуйся ты мое ретиво, рети—ное,
„Мое ретивое, сердце злое!...“

Всѣ, кто и пѣть не умѣлъ—подхватили. Господа идутъ впереди, промежъ собою разсуждаютъ очень дружественно. У капитана фуражка на затылкѣ—значить премного доволенъ; поручикъ—руки назадъ, зашагалъ мелко—значить въ полномъ удовольствіи. Ужъ мы ихніе характеры знаемъ. Подпоручикъ идетъ объ руку съ капитаномъ.

За хоровой Герасимъ хватилъ: „Ахъ вы сѣби!“ Залился свистокъ, двое выскочили впередъ—откалывать колѣнца, въ присядку... Вся деревня выскочила поглядѣть... А тутъ дерма-дерутъ:

„Распотѣшу молодна—
„Я за то его потѣшу,
„Что одинъ сынъ у отца!...“

Пѣсня кончилась; подпоручикъ и проситъ капитана: „позвольте, говорить, Степанъ Алексѣевичъ, пѣсельниковъ поподчивать?“—А кабакъ всего сто шаговъ въ сторонѣ и цѣловальникъ торчитъ на порогѣ, руки на пузѣ.

„Ладно, говорить капитанъ, и мое ведро идетъ!“

Поручикъ прибавилъ: „и мое тому же училось!“

— Покориѣйше благодаримъ, ваше благородіе! Другой дуракъ закричалъ: „ради стараться!“

Капитанъ говоритъ—знаю, и усмѣхнулся. А цѣловальникъ уже и снаряды всѣ тащить—чуткая бестія!

Принесли водку, налили первый стаканъ. Капитанъ взялъ: „будьте здоровы, старичье!“ перекувырнулъ стаканчикъ.

„Кушайте во здравіе, ваше благородіе!“ гаркнули люди.

За нимъ поручикъ вынулъ съ поздравленіемъ. А за нимъ подпоручикъ кивнулъ подъ козырекъ и говоритъ: „Здоровье наше, старики! полюбите новаго товарища!“ Какъ рвануть, братецъ ты мой, всѣ—и разсыналось разное пожеланіе ему.

Капитанъ пошелъ съ господами офицерами къ себѣ. А мы тоже по домамъ.

И стали очень любить солдаты Андрея Михайловича. Особенно рекрутики.—До того дошло, что одинъ поросенокъ расплынался передъ нимъ, не получаю-де вѣсточки изъ дому. Андрей Михайловичъ зазвалъ его къ себѣ, настрочилъ ему писемъ къ родителямъ, да самъ на свой счетъ и отослалъ. Другого встрѣтили въ худой фуражкѣ—поговорилъ съ нимъ, спросилъ о состояніи; оказалось, что у него ни кола ни двора, ни роду ни племени: онъ ему фуражку свою подарилъ, да такую, что годъ поносить да выворотить—еще два заново пойдетъ.

И глядимъ—все это слабое, плохое, безпорточное, такъ прямо къ нему и претъ, какъ въ свой домъ. И каждому онъ всегда найдетъ чѣмъ помочь.

А чуть съ кѣмъ не хорошо: испилъ неосторожно, или потерялъ что нибудь, или провинился—непремѣнно тамъ, у Андрея Михайловича; стоитъ съ рыбьими глазами: защитите наше б-діе, отецъ родной! Смотришь—и защитить!...

Такъ что солдатники начали уже побалтывать, что, молъ, душа у него совсѣмъ дѣвичья, — мягкое сердце! Запримѣтили мы тоже, что на часовой цѣпочкѣ носить онъ солдатскую пуговку: ту самую, что отдѣленный отобразъ у Арефьева. Значить, краденая-то. — Вишь какую памятку

хранить—совестно, братцы, мягкое сердце, какъ воскъ! Такъ и порѣшили: слабое сердце!

Вотъ только разъ случился вздоръ: одинъ солдатикъ возьми да и согрubi въ чемъ-то десяточному унтеръ-офицеру. Отдѣленный узналъ: а вотъ я, говорить, доложу фельдфебелю—капитанъ поговорить съ тобой!—Видитъ солдатикъ, что дѣло плохо—бѣжитъ къ подпоручику: такъ и такъ, защитите, наше б-діе. Подпоручикъ отослалъ въ манежъ: увидимъ, говорить. И приходитъ самъ въ манежъ, спрашиваетъ отдѣленного—что случилось?—Только что отдѣленный сказалъ: грубить, наше б-діе, унтеръ-офицеру. Какъ сдвинетъ подпоручикъ бронища, какъ зиркнетъ на солдата: Это что! подѣ арестъ! я самъ доложу капитану!

Кругомъ, даже тренеть прошелъ—такъ взглянулъ.

„За грубость противъ унтеръ-офицера—нѣтъ пощады! На повиновеніи вся служба стоять: кто не умѣетъ повиноваться—дрань; громомъ его, въ щену! вотъ что!“ Такъ прикрикнувъ, что просто—страсти.

Вотъ тебѣ и дѣвичья душа, слабое сердце!...

И стали солдаты уважать и любить его, какъ отца командира. Даромъ, что губы безъ усовъ и сердце дѣвичье, а разумъ-то у него оказался начальнический, твердый: съ такими нѣ огонь и воду—онъ всюду поведетъ, пройдетъ и выведетъ!

Вотъ какого Богъ далъ намъ новаго подпоручика: старика, значить, настоящій!

Разъ какъ-то племянн ясого Арефьева потребовали въ ротный дворъ. Дѣло было въ субботу. А въ воскресенье захожу къ нему вечеромъ поздно—застаю: онъ въ бѣлой рубашкѣ, передъ образомъ свѣча затѣлена, всѣ спятъ въ

избѣ; а онъ кладетъ земные поклоны, Богу молится. И дожидать, пока онъ кончилъ и спрашиваю: вѣшто ты самъ, или батюшка твой имянникъ сегодня?

„Больша, дядюшка, чѣмъ имянникъ!“

— А чтожъ такое?

„Да я, говорить, теперь настоящій солдатъ: я, говорить 90 рублей денегъ въ полковой штабъ относить.“

— Одинъ?

„Одинъ, дядюшка!“ И смотрю—лицо у него совсѣмъ засіяло.

— Да, братъ, это хорошо! говорю ему.

„Вѣки-вѣчныя буду молить Господа за здравіе Андрея Михайловича! сказалъ онъ и перекрестился на образъ: душу мою спасъ.“

III.

Луерья Ниловна и Марья Леонтьевна.

Правда говорится, что время на время не похоже и въ каждое время люди живутъ иначе. Но грѣхъ сказать, чтобы теперь житье стало хуже нежели прежде. А что старики вздыхаютъ: о-охъ, тяжела времена настали! такъ это особъ-статья: времена переѣнились, а старики умереть не успѣли, къ новому житью не привыкли, оно и выходитъ—все нѣтъ не по себѣ, собственно потому, что „для старой бабы и на печи ухабы“. Вотъ и мается человѣкъ, и вздыхаетъ, какъ бѣлуга на берегу: о-охъ времена при-

шли!... А времена пришли такіа, что слава тебѣ Господи—есть человѣку теперь всякое облегченіе; а если тебѣ худо, такъ чаще всего самъ ты виноватъ. Непремѣнно такъ.

Но и въ наше старое время разное бывало: нинѣ жалось туго, другимъ хорошо; а нашей 16-й мушкатерской—лучше требовать нельзя. На счетъ службы, ученья—никакой суеты, порядокъ и исправность. На счетъ стоянки, нищи и положенія—никакой скуки, достатокъ и полное удовольствіе. Вой почти не случалось, всѣ больше пѣсни да разговоры; и съ такой причины у много безпечнаго человѣка даже лицо зацвѣло. Жили мы въ полномъ удовольствіи.

Хозяйка Ивана Егорыча, хоть и не богата была, но содержала его очень хорошо.—Лукерью Ниловну знало и уважало все капральство, а я почиталъ ее все равно что родную. Она и стояла почтенія. Лѣтомъ рота была собрана на тѣсныя квартиры,—вмѣсто лагерей. Стояли мы по гуннамъ и сараямъ; питались съ котла. А у дядьки всегда бывало есть какая нибудь съѣстная посылочка отъ хозяйки.

Извѣстно, что и на самой лучшей стоянкѣ хозяева не очень тоскуютъ, когда нашъ братъ уйдетъ подальше: все-же изъ избѣ повольнѣе и поспокойнѣе безъ насъ.—За то же, когда кто и подружится съ нашимъ братомъ, то всѣ знаютъ такого и очень почитаютъ его.—Всѣ мы и почитали Лукерью Ниловну, какъ сестру родную; ибо подружилась она съ хорошимъ человѣкомъ и доказала свою дружбу. Съ лѣтняго сбора вернулись мы на квартиры; сижу разъ у Ивана Егорыча, вижу изъ окна—хозяйка копошится въ огородѣ; онъ ниѣ и говорить: хотѣлъ я тебѣ

сказать одно дѣло, потому что сродственниковъ тутъ никакихъ не имѣю, а сказать надо.

— Говорите, Иванъ Егорычъ, слушаю.

Онъ и признался мнѣ, что имѣетъ нахѣреніе просить позволеніе начальства вступить въ законный бракъ; съ кѣмъ— не сказалъ, да тутъ и сказывать нечего: вслѣдствіе дуракъ догадался бы—съ кѣмъ.

— Давай Богъ, говорю, доброе дѣло, а съ моей стороны желаю вамъ, Иванъ Егоровичъ, всякаго благополучія! А сердце у меня такъ и запрыгало отъ радости.

— Ты только ни гу-гу объ этомъ, никому? приказалъ мнѣ дядька.

И молчалъ.—Но съ того часу истекла что Лукерья Ниловна, а и назанка ея и хозяйство, и огородъ, и даже вся деревня наша показались мнѣ совсѣмъ иными нежели прежде. Точно такъ будто я не на службѣ, а въ домовомъ отпуску проживаю у самыхъ близкихъ родственниковъ.

Бывало идешь къ дядькѣ съ приказаніемъ— да такъ и остановишься въ воротахъ: на чистомъ дворикѣ стоитъ бѣлая назанка, за ней высокія и густыя черешни. Справа—огородъ съ своими подсолнечниками: подъ ними, точно отлихаютъ, толстые арбузы, полосатыя дыни, всякаго овоща. Слева—коноплянникъ и посреди его богатырь, въ ободранномъ мундирѣ, нашего полка, въ отчаянной фуражкѣ на воротникѣ и съ растопыренными руками безъ пальцевъ— это дядька соорудилъ чучелу на страхъ воробьямъ. Кругомъ клѣтки, хлѣвочки, пристройки. Глядишь—Иванъ Егорычъ либо сѣна, либо соломы кулъ въ конюшню тащить; не то плугъ или борону направляетъ, какъ настоящій хозяинъ. А съ крылечка раскрасѣвшійся Ниловна вечерамъ клечеть:

„а идите-же, Егоричъ,—борщъ на столъ!“ И кругомъ распріятвал тишина; только въ сараѣ куры понискиваютъ, въ хлѣву свинки похрюкиваютъ, конь фыркветъ и, махая хвостомъ, бѣжитъ тебѣ навстрѣчу брехунъ знакомый; да влѣяны въ тебя любопытные глаза козелъ, и трясеть бородой пожевывая свою жвачку.

Полный хозяинъ Иванъ Егоричъ; и всего года черезъ два—пойдетъ по билету, въ безсрочный.—Очень пріятно найти къ нему на квартиру, точно въ гости.

А около того же времени прошелъ слухъ по ротѣ и по деревнѣ, что и Степанъ Алексѣевичъ нашъ находится въ такихъ точно обстоятельствахъ. Вотъ какія обстоятельства:

Въ трехъ верстахъ отъ насъ была господская усадьба Свирище. Проживала тамъ сама помѣщица, Марья Леонтьевна Зягина; такая преночтенная барыня, что все солдаты знали ее наочно,—отъ хозяевъ слышались. А нѣкоторые лично бывали у нея по надобности: башмачникъ, нѣмъ изъ плотниковъ и разныя мастеровые. И все они рассказывали намъ, что во-первыхъ насчетъ расчета и добродушія барыня—рѣдкій человѣкъ: сверхъ платы всегда на водочку прикинетъ, а водочкой само собой велитъ поподчивать. Мастеровому это годится. А насчетъ пригожества объявляли, что такой какъ она красавица—ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ не описать. Ну, это по офицерской части. Господа офицеры и не оставили безъ вниманія свою часть и навѣдывались къ Марьѣ Леонтьевнѣ при всякомъ подходящемъ случаѣ.—Иль мужескаго пола проживалъ съ нею въ домѣ братишка ея—барченочъ лѣтъ шестнадцати; да старикъ дядя родной, господина преночтенный и очень доброй души человѣкъ.

Вотъ только разъ, послѣ ученья, деньщикъ Ермоланчъ зоветъ отдѣленныхъ къ капитану. Думаемъ — за приказаніемъ; а они вернулись, нашъ отдѣленный и говорятъ намъ: вы, ребята, ничего не знаете! — Дѣйствительно не знаемъ. — Нашъ Степанъ Алексѣвичъ вступаетъ въ законный бракъ! — Всѣ такъ и отозвались, какъ одинъ: „Съ Богомъ! дай Богъ ему счастья и полного благополучія!“ Всѣ сразу догадались, что онъ въ бракъ вступаетъ съ Марьей Леонтьевной.

А вскорѣ затѣмъ и братишка ея, Александръ Леонтьевичъ Селищевъ, опредѣляется юнкеромъ въ нашу роту: ну, ребята, — породнимся мы съ нашими хозяевами въ-дѣсталь.

Былъ у насъ не солдатикъ, а большой солдатъ, Зиновьевъ — убитъ, царство ему небесное. Сколько разъ начальство желало произнести его въ унтера — всегда отпрашивался: я, говоритъ, желаю пребыть навсегда рядовымъ солдатомъ; съ тѣмъ и померу. — Былъ онъ человѣкъ суроваго лица, но душу имѣлъ какъ у ребенка, жалостливую и добрую. На счетъ службы и разума былъ первый человѣкъ въ ротѣ; и начальство его очень любило, а товарищи уважали всякое его слово.

Ему и далъ капитанъ молодого юнкера въ плеяшникъ: сдѣлай, говоритъ, его такимъ же, какъ ты самъ, а сестра его повѣкъ тебѣ не забудеть.

Степанъ Алексѣвичъ зналъ такіа солдатскія слова, что какъ скажешь, такъ и вѣжешь тебѣ въ самое сердце. — Зиновьевъ ни отъ чего никогда не блѣднѣлъ и не краснѣлъ, хоть ты ему въ носъ изъ орудія стрѣлай, хоть ты его озолоти — все единственно. А тутъ, глядишь, передернуло его и носъ покраснѣлъ. Эге, братъ, камень-человѣкъ, и у тебѣ на носу цвѣты цвѣтутъ! свострилъ унтеръ, глядя на него.

А Зиновьевъ только крикнулъ; однако, видя, всё — выросъ человѣкъ. И хотъ вѣкъ не хвасталъ, а тутъ сказалъ: „не давай царь пайка, если не сдѣлаю изъ мальчишки настоящаго вѣрнаго солдата!“

И точно — сталъ онъ учить своего племянна и ходить за нимъ такъ, что, кажется, вотъ душу свою вложить въ него.

Есть, Господа вы мои, на свѣтѣ люди, которымъ данъ талантъ — изъ всякой дряни сдѣлать стоящую вещь! изъ выброшенныхъ шкурокъ — башмаки, изъ полѣна — скалку да каталку, а не то и цѣлую базалайку и прочіе предметы. А есть и другіе люди, которымъ дана сила: изъ дрянненькаго человѣчка, иногда изъ лгунишки пустого, сдѣлать честнаго и твердаго человѣка. — Первыхъ, значить, данъ талантъ — искусство, штука очень почтенная и полезная, а вторымъ дана отъ Бога душевная сила, которой и цѣнишь: эта сила — любовь. Она такая могущая сила, что изъ зла добро творить.

Такая же сила была и у покойнаго Зиновьева: какой бы отчаянный или порочный, или пустой человѣкъ не попалъ въ его руки — онъ непременно сдѣлаетъ его честнымъ и твердымъ солдатомъ. Безъ грозы и погрому, безъ всякаго тиранства, — урезонить, убѣдить и научить, бывало, уму-разуму и всякому добру своего племянна дряннаго. И сколько плохихъ людей прошло черезъ его руки — всё стали стоящими солдатами — яные въ унтера попали и всё любили и уважали Зиновьева, какъ роднаго отца.

Не диво, что изъ добраго и смиреннаго мальчишки, Александра Леонтьевича, у Зиновьева сразу вышелъ преотѣнный солдатикъ: даромъ что барченокъ, былъ вѣжливъ и

маленько балованъ.—Дѣйствительно, нашъ юнкеръ въ какой нибудь мѣсяцъ сталъ богатырь. Не хватало только силишки,—ну, да это дѣло наживное.

Житье-бытье наше пошло по праздничному: предстояло намъ двѣ свадьбы.—Гладный получилъ дозволеніе отъ начальства вступить въ законный бракъ; это въ минуту узнала рота отъ ротного писаря. А съ усадьбы господской пришла молва, что и тамъ уже было дѣло по формѣ и Степанъ Алексѣевичъ представилъ Марью Леонтьевну свое предложеніе въ полномъ видѣ. Значитъ—по рукамъ да и въ баню. Честнымъ пиркомъ да и за свадьбу! Лучше и быть не можетъ.

Въ Свиринцѣ стали похаживать солдатки почаще: тамъ у насъ былъ свой человѣкъ; да и Марья Леонтьевна—на ваканціи: тоже на дняхъ будетъ наша. Придетъ ли туда ефрейторъ съ приказаніемъ, или солдатикъ съ амуницией для юнкера—про каждаго у нее есть доброе и ласковое слово,—и не безъ угощенія.

Идемъ праздника; назначены въ одинъ день двѣ свадьбы.

И вотъ, сижу это я разъ подвѣчеръ, нагрудникъ подшиваю, вдругъ въ окошко—громъ: „Походъ, кричитъ ефрейторъ:—въ отдѣленію сейчасъ.“

Бѣгу къ отдѣленію—тамъ уже половина капральства и остальные подходятъ. Отдѣленный съ артельщикомъ что-то на счетахъ перекидываютъ. У всѣхъ лица какія-то озабоченныя: рекрута глядятъ какъ сичи.

„Ну, братцы, говорятъ, походъ сказанъ,—промолвилъ отдѣленный, покончивъ счеты,—приготовляться надо!—Да ты отъ кого слышалъ?“ спросилъ онъ ефрейтора.

Ефрейторъ разсказалъ, что солдатикъ 2-го отдѣленія

Ивлевъ приближалъ съ ротнаго двора, самъ видѣлъ; говорить: на тройкѣ прикатилъ адъютантъ и поздравилъ капитана съ походомъ. А баталіонъ нашъ, говорить, поступаетъ въ дѣйствующій и наша рота будетъ, значить, 8-я пушкетерская. Ивлевъ сказалъ, что сейчасъ и нашъ приказаніе привесутъ, а самъ побѣжалъ въ свое отдѣленіе.

И точно—привесли приказаніе. На завтра, чуть свѣтокъ всѣ были въ манежѣ и капитанъ поздравилъ роту съ походомъ въ Крымъ.—Черезъ три дня выступать. Вотъ тебѣ и свадьба!

Что тутъ долго рассказывать: закипѣло дѣло! Чини сапоги, обшивайся, бросай все лишнее—готовъ человекъ.

Какъ объявилъ походъ Иванъ Егорычъ Лукерѣ Ниловиѣ—этого никто не видѣлъ. Только засталъ я ее совсѣмъ блѣдную и скучную; ходила она словно не своими ногами и все у нея изъ рукъ валилось. Да тоже самое, рассказывали люди, приключилось и на Свириницѣ, съ Марьей Леонтьевной.—Подносила барынь нашихъ грозная вѣсточка. Ну, да дѣло некинучее.

Три дня прошло въ хлопотахъ: люди бѣгали какъ мураши въ муравейникѣ, когда его поворошишь палочкой. Двѣ главные музыки раздаются передъ походомъ у нашего брата пѣхтуры: первая музыка это—тррр!.. изъ старыхъ рубахъ портянки деруть; а вторая музыка—молотокъ дѣйствуетъ.—И на этотъ разъ, я полагаю, по больше пуда ветоши пошло на портянки, да съ полпуда гвоздей и шпильекъ разнаго калибра въ каблучки вкатили ротѣ господа сапожники.

Какъ бы то ни было, на четвертый день, чуть свѣтокъ, рота стояла на ротномъ дворѣ, въ полной походной аммуниціи.

Позади ротная артельная подвода и четыре обывательских — отъ усердія хозяевъ. — Нѣсколько собаченонъ вертѣлось у подводы и у роты; двѣ изъ нихъ были ротныя, значить тоже въ походъ идутъ: остальные, вѣроятно, провожаютъ по собачьему дружеству.

Ермоланчъ, денщикъ капитанскій, честная душа, ворчалъ себѣ подъ-нось, укладывая свою повозку.

Вышелъ капитанъ, поздоровался и скондавалъ: „Слушай, на молитву!“ Все стихло кругомъ: многіе изъ холщевъ провожали своихъ постояльцевъ, многіе изъ любопытныхъ толпились около роты: все молились...

— Накройся!.. И тутъ, братецъ ты мой, вышли очень хорошіе проводы: первый шагъ — съ Богомъ, такъ оно и сталося. Народу кругомъ насъ толнилось немало; капитанъ обернулся къ толпѣ и съ непокрытой головой только что началъ рѣчь: „Спасибо вамъ, честные старики, за добрую стоянку!“ какъ вдругъ толпа раздвигается и древній предъ-древній старецъ, дѣдъ сотскаго, какъ голубь бѣлый, вышелъ впередъ поклонился въ поясъ капитану, потомъ всей ротѣ и заговорилъ тихо, хриплымъ шепотомъ, и все покашливалъ, но каждое слово его было внятно: „Ото всѣхъ насъ хрестіанъ, отъ женъ и дѣтей нашихъ, спасибо тебѣ, Степанъ Алексѣевичъ, и воинству цареву, ротѣ твоей большое спасибо! Стояли вы у насъ честно, любовно. Дай Господь вамъ всякаго поснѣху въ дѣлѣ вашемъ хрестіанскомъ. И на путь трудный — дорогу дальнюю мы благословляемъ васъ нашими молитвами!“ Капитанъ поклонился въ поясъ народу, потомъ ему, и сказалъ: „душевное наше солдатское спасибо, старики честные“ и изъ роты посыпалась благодарность.

„По отдѣленіи на право! Фельдмарш!...“ Мы пошли, а за нами много провожатыхъ хозяевъ и ребятинекъ.

Верстахъ въ пяти дорога раздвоилась: направо—поворотъ—въ Свирище. „Правое плечо впередъ“!.. Входимъ въ усадьбу барыньки нашей, Марьи Леонтьевны, а тамъ видъ такой—картины не вадо: солинышко чуть брызнуло свѣтомъ изъ за лѣса, а тутъ, братецъ ты мой, передъ прильцомъ—все столы, столы и на столахъ разная свѣтлая, хрустальная посуда. Кругомъ же ничего не видно, ибо никто туда и не глядѣлъ, а все на столы. Вотъ какой видъ.

Марья Леонтьевна вышла навстрѣчу, поклонилась намъ и пріятнымъ голоскомъ своимъ поздоровалась: „правствуйте, братцы!“

„Здравія желаю, Марья Леонтьевна!“

Офицеры пошли за нею въ комнаты, и намъ приказано: составъ ружья! значить, освободи руки—хлѣбъ-соль на столъ.—Александръ Леонтьевичъ сталъ насъ подчинять, но фельдфебель шеннулъ ему: попросите сестрицу хозяйшку честь ротѣ сдѣлать!

Юнкеръ шныгнулъ въ комнаты и вышла Марья Леонтьевна. Подошла она къ столу, братъ валилъ ей чарку: она взяла ее и грустно промолвила: „Поздравляю васъ съ походомъ, друзья любезные!...“ откушала—такъ и покатались слезинки... „Покорѣйше благодаримъ, Марья Леонтьевна!“ Эхъ-на! красавица: приходится! подумалось. — Закрyla она глаза платочкомъ, поклонилась и ушла. Экое горе. И налегли ребята на хрустальи закуску.—Недаромъ говорится—съ горя и съ радости не жѣнаеть винить, а выпивши должно закусить. Это порѣнаеть горе нпполамъ, а радость вдвое!

Что-жъ дѣлать, господа! по совѣсти признаться передъ своимъ братомъ—дѣло это вообще не совсѣмъ худое, а иногда и совсѣмъ хорошее. Главная причина: дѣлу время и веселю часъ!

Видиши ми и закусили на порядкахъ. Выходить подпоручикъ—въ ружье! говорить, становись!—Выходить капитанъ съ Марьей Леонтьевной, поручикъ и старикъ дядя хозяйки за ними. И тутъ случилось такое жалостливое обстоятельство, что не одного изъ насъ и слеза прошибла: одно слово—разставанье! да пожалуй и вѣковѣчное. Намъ ничего, а бабамъ, ой-ой какъ трудно, а ино и совсѣмъ не подь силу.

Марья Леонтьевна подошла къ ротѣ, а сама, какъ цвѣточекъ на стебелькѣ подь вѣтромъ, такъ и колыхается. Пожелала она намъ добра пути, сказала хорошо такъ, дружественно. И вдругъ говорить: Зиновьевъ, подойди ко мнѣ!

Зиновьевъ вышелъ впередъ,—бровища насупленные; мы глядимъ, а она положила ручку свою бѣлую на ремни ему и—скажи-вотъ грустную пѣсню запѣла: „Добрый Зиновьевъ, другъ мой! побереги мнѣ брата моего милого...“ А сама такъ и припала головой на грудь ему и заплакала. Стоить какъ камень Зиновьевъ, только усами задергалъ: „жизнь положу за него, Марья Леонтьевна!“ говорить, а она и нуще залилась...

И вдругъ, точно съ привязи сорвалась, старушка Даниловна, нянька Александра Леонтьевича, распрепѣченная—бѣжать растрепавшись, да бухъ въ ноги Зиновьеву: „Отецъ ты мой, богатырь ты мой! ужь будь ты ему, моей ягодкѣ, отцомъ роднымъ!“ обхватила его за колѣни, такъ и залилась!.. Да вдругъ какъ скочить, да передъ ротой всей—

опять бухъ на колѣни: „Воины вы христілюбивые! отцы наши защитники! защитите, не выдайте басурману мою пташечку, птенца моего малюго!“

„Будь спокойна, бабушка! ужъ ны-ли выдадимъ? скорѣе сами смерть примемъ!“ утѣшаютъ ее изъ фронта,—а она еще пуще молить да рыдаетъ. — И кинулась она къ питомцу своему,хватила его за голову, цѣловала и въ глаза, и уста,—а у него ни слезинки, только весь раскраснѣлся. „Полюбо, няня, уговариваетъ ее — Богъ дастъ вернусь!“ — Ой вернись, мое золото ненаглядное! и что рѣка разлилась... Даже за фронтомъ пошли вздохи да молитвы: Господи Боже милосердный!

Капитанъ вдругъ подошелъ къ Марьѣ Леонтьевнѣ, еще разъ простился: „Фельдмаршъ!“ крикнулъ... Барабанъ залюноталъ, тронулась рота, а Герасимовъ, кошениикъ, скажи—соловей въ кустахъ, такъ и затрепеталъ:

„Силь голубчикъ радость мой—
„Что ты сдѣлала надо мной!“

„Ахъ и охъ! залились за нами рыданія слезныя...
А подголоски дружно вытягиваютъ:

Жаль расстаться мнѣ съ тобой!

И дрожать, заливаясь расиретонко...

За нами стоить стоить, воплемъ вопить старуха сѣдая, сердце надрывается...

А шельма Герасимовъ такъ и выводитъ и словесно уговариваетъ:

„Жаль расстаться мнѣ съ тобой—
„Милъ, на вѣли отъ тебя!“

Дружно подхватываютъ подголоски. „Не отставать!“ кричить дневальный. Пошли!.. не воротись!..

Прощай! За любовь нашу спасибо солдатское!.. вѣковѣчное, — великое спасибо. Эхъ-ма!..

IV.

А л м а.

Шли мы почти безъ дневожъ. Переходы были для стараго солдата въ-пору, а молодежь истомлялась порядочно, пока втѣнулась да привыкла. Другой придетъ на почлегъ и наровитъ поскорѣй — сапоги долой, да на-бокъ! первое средство обезножить. Разуужьется, за этижъ глѣдѣлъ строго; а все-таки многіе перенесли себѣ ноги. Изъ старыхъ же солдатъ у насъ было не мало такихъ ходоковъ, что могли ходить безъ ябры и числа, капитанъ всегда отличалъ этихъ скороходовъ. Офицеры шли съ нами нѣше — никто не ѣхалъ.

Хотя походъ этотъ былъ спѣшный, но, кромѣ толковъ о непріятельскихъ флотахъ, мало чѣмъ отличался отъ обыкновенныхъ мирныхъ переходовъ; шли какъ-то очень спокойно. Вспоминали, подѣ-часъ, о Лукерѣ Ниловнѣ да Марѣ Леонтьевнѣ — какъ имъ тяжело было, сердечнымъ, прощаться съ ними, можетъ быть, навсегда.

А какъ стали подходить къ Крыму — словно другимъ вѣтромъ нахнуло: каждый рекрутъ понялъ, что настало военное время.

По харьковской дорогѣ войска стигивались все къ арміи: обоны, парки артиллерійскіе проходили иногда и

ночью. Ночлежничали мы уже совсѣмъ тѣснѣ прежняго.

Стало слышно, что именно французы, англичане, итальянцы съ турками приплыли на корабляхъ и высадились въ Крыму въ двухъ пунктахъ. На Севастополь идти хотѣтъ.

Перешли мы Перекопъ и пошли степями. Чудная сторона Крыма: видишь горы, лѣсъ — кажется, рукой подать, — такъ близко; а до нихъ еще три четыре перехода. Воздухъ такой свѣтлый и прозрачный. Первая показалась Палатъ-гора, Чатырдагъ по-татарски. Настояще, какъ большая палата.

1-го Сентября вступили въ Симферополь, городъ мало похожій на прочіе города: вѣсто колоколенъ, торчатъ татарскія каланчи, минареты. Кругомъ города богатые сады.

Насъ остановили передъ самымъ городомъ на лугу, бивуакахъ. Поодаль отъ насъ казачій полкъ отдыхалъ, прежде насъ пришелъ. Послѣ обѣда, нѣкоторые отпросились въ городъ, на рынокъ. Рынокъ порядочный: много лавокъ греческихъ и еврейскихъ; на базарѣ татарва сидѣтъ на землѣ и продаетъ фрукты — арбузы, виноградъ, груши и разныя овощи. Эта статья тамъ богатѣйшая и дешево; лукъ, напримѣръ, нашли съ рѣну величиной, да только на вкусъ совсѣмъ прѣсный; точно насахаренъ. За то попалась важная штука — стручковый перецъ соевый: пробираетъ почище рѣдки доброй. Пресвѣжая оwoць! — Табачинка хороша, только слабовата противъ настоящей махорки.

Возвращаемся мы къ своимъ, видимъ — валить народъ вѣстѣ съ нами за-городъ, все больше господа: говорятъ, Пласуны пришли — глядѣть идутъ. Слышали мы про Плас-

туновъ, и хотъ свое войско, а видать ихъ не многимъ приходилось. Только что мы подходимъ, видимъ—стоятъ они въ строю. Подъѣхалъ генералъ, выходитъ изъ коляски. Народу кругомъ и баринъ преизобиліе.

Баталіонный ихній, сѣдая старина, въ крестахъ, командовалъ „на плечо“! Генералъ сѣлъ на лошадь, подскочилъ, поздоровался. И видить, что они стоятъ не совсѣмъ по походному,—приказалъ: подвернуть полы!

А баталіонный саблю опустилъ и отвѣчаетъ малороссійскимъ выговоромъ: „не можно, ваше превосходительство!“

Генералъ спрашиваетъ: „это отчего?“

А онъ ему по своему: „бо ѣ богацько такихъ що безъ штанну!“ Значить,—другіе, молъ, безъ штановъ находятся, а тутъ люди и барини стоятъ—человко.

Такъ въ толпѣ-то всѣ и разсмѣялись. Дѣйствительно, Пластуну все съ пола-горя, не задумывается: день жаркій—онъ взялъ да и снялъ штаны, такъ, говорить, вольготнѣе будетъ. А народъ все бравый: не щеголи, правда, а только каждый глядитъ разумно и отважно. Въ дѣлѣ, особенно въ ночное, да въ темное время—прокураты они такіе, что непріятель не дремлетъ: подкрадется, подползетъ къ нему, какъ змѣище и чуть разѣвался часовой—прощай: не то что укукаетъ его, а унесетъ съ поста, какъ лиса курицу. Вѣдомый народъ!

На другой день, чуть свѣтокъ, выступили мы изъ Симферополя. Въ Бахчисараѣ застали мы нашихъ кашеваровъ съ котлами—каша готова. Тутъ обѣдали и отдыхали часа четыре. Такого диковиннаго города и не видалъ прежде: все горы, овраги, прорвы и по горамъ словно прилѣплены хижини. Вездѣ сады виноградные и живые

ключи воды. А вода чистая, какъ слеза, вкусная, легкая — что пьешь, то больше хочется; изъ каменныхъ горъ течеть.

Часу во второмъ ударили подъесть. Шли мы долами да горами и часа черезъ полтора вышли на Вальбекъ. Главули передъ собой — удивленіе: картина да и только! Море безъ конца, тихое, свѣтлое. Тамъ-сямъ сплываютъ по немъ, точно пауки по зеркалу, пароходы, а за ними дымокъ волочится, какъ паутина. Вправо вдаль — точно лѣсъ строевой на берегу: это мачты непріятельскихъ флотовъ стоятъ. А влѣво — какъ сплѣтъ бѣлая стѣна, будто со дня моря выведены; унизаны окнами и изъ cadaго окна глядитъ въ море орудіе. Высоко надъ стѣнами чуть развѣвается орелъ — наше знамя. Вотъ онъ, Севастополь, сердечный!

Не одинъ человѣкъ вдохнулъ, глядя: это тебя то братья пришли враги... Тебя пришли мы отстаивать...

Вдругъ изъ аріергарда кричатъ „стой!“ Посторонили насъ съ дороги — „составь ружья! ранцы долой!“... Мимо насъ потянулась полевая батарея и другая за ней, на позицію спѣшать.

Какой-то шутникъ фдовой крикнулъ намъ: „вари кашу, пѣхота: чего жѣвать!“

„Заваривай — расхлебывать пособимъ!“ отступились у насъ. — Погрѣжѣли они своими колесами, проѣхали.

Капитанъ нашъ снялъ каску и заглядѣлся на Севастополь; задумался что-то. Знали мы вѣрно, что онъ хоть слово, а скажетъ намъ. Всѣ туда-же глядимъ; молодежь и рты разинула...

Обернулся Степанъ Александровичъ и видитъ, что мы смотримъ, улыбнулся и говорить: „А что, постояимъ, старики“.

„Постояннѣ, наше благородіе! отвѣтили близъ стоящіе, а сзади кто-то шепнулъ: „а придется, такъ и ляжемъ!“

„А ужъ извѣстно!“ промолвилъ капитанъ и сѣлъ на камешкѣ; поручикъ около него, а подпоручикъ и юнкеръ стоять—такъ и влѣпили глазами въ крѣпость-то, не сморгнуть. Чудное дѣло!... Стоитъ, братецъ ты мой, крѣпость каменная; никакихъ людей тамъ не видно, а глядишь на нее, какъ на человѣка, какъ на богатыря живого; пришли, приплыли изъ дальнихъ странъ враги тебя покорять!

А тутъ еще капитанъ кинулъ такое слово: „постояннѣ старики! Еще-ль не постояннѣ!“

Черезъ часъ, не больше, скомандовали: надѣвай ранцы, въ ружье! маршъ! Мы пошли на позицію.

Вечерѣло. Съ высоты, по которой мы шли, показалась наша позиція: колонны баталіоновъ темнѣлись и можно было различить двѣ линіи. Глубокій оврагъ перерѣзывалъ ихъ, а за нимъ опять тянулись они къ морю, значитъ, къ лѣвому флангу арміи. Въ колоннахъ кой-гдѣ чуть мелькали огоньки. Мы спустились съ высоты: позиція не стало видно. Но когда поднялись изъ лога, то увидѣли далеко передъ правымъ флангомъ нашимъ зарево. Оно освѣщало деревья и клубы дыму. Намъ сказали, что это казаки зажгли деревню, чтобы не мѣшала нашимъ и не прикрывала непріятеля.

Остановили насъ во второй линіи и адъютантъ поскакалъ въ главный штабъ за приказаніемъ. Большая часть войска спала: по со всѣхъ сторонъ слышны были: то стукъ колесъ артиллеріи, то конный топотъ, ординарцы и адъютанты безпрестанно скакали или проѣзжали рысью мимо насъ.

Черезъ часъ прискакалъ нашъ адъютантъ: приказано остаться на мѣстѣ, ночевать гдѣ стоимъ; а завтра будетъ распоряженіе. Составили ружья, сняли ранцы; ночлегъ. Все время похода дни стояли жаркіе, а ночи, особенно въ Крыму, порядочно свѣжи; а въ этотъ день мы откололи переходъ не маленькій, всё истонились порядочно, и хоть въ перпинку привелось ночевать на настоящей боевой позиціи, однако люди уснули скоро. Главное,—капитанъ приказалъ: „выспаться хорошенько, бодрость и свѣжесть—первое дѣло!“ Всѣ уснули, какъ побитая рать.

Въ полночь безпокоила насъ опять тяжелая батарея какая-то: подъ самымъ ухомъ прогремѣла по камнямъ. Прогнала въ первую линію.

На разсвѣтъ я проснулся, всталъ, поглядѣлъ кругомъ. Такое положеніе красивое, что на рѣдкость. А еще мы стояли на лошадкѣ,—съ горы должно еще лучше видѣ.

По-одиночкѣ пробудились люди. Небольше какъ стрѣльбища два (по нынѣшнему и одного не будетъ: мы иѣрили не на штуцеръ) вправо отъ насъ въ оврагѣ нашли воду—студенные ключи сочились изъ канней: солдатики сбѣгали туда, умылись, выносили манерками воды.

Адъютантъ опять отиралился въ штабъ. Ждали мы его съ нетерпѣніемъ: куда-то постанавать насъ? Только къ полдню, глядишь, ѣдетъ онъ съ офицеромъ свѣтскимъ.

„Надѣвай аммуницію, къ ружью! становись!“ раздалась команда. А не больше какъ черезъ полчаса подѣхалъ шагомъ къ намъ генералъ со свитой—князь Горчаковъ 2-й, поздоровался съ нами привѣтно; поговорилъ съ нашимъ полковымъ командиромъ и поѣхалъ съ нимъ впередъ на возгорокъ къ первой линіи. Потомъ полковой командиръ

прискакалъ, скомандовалъ баталіонамъ: изъ середины въ колонну стройся—и повелъ насъ.

И вотъ, поставили насъ на настоящую нашу боевую позицію: тутъ мы стало быть и „постоймъ!“ Баталіонъ нашъ стоялъ такъ: почти передъ нами, немножко правѣ былъ поридочный взгорокъ, на немъ расположилась артиллерійская батарея. Еще правѣ за взгоркомъ видѣнъ былъ казачій полкъ. Впереди, лѣвѣ отъ насъ — егеря стояли, баталіоны въ колоннахъ въ атакѣ, всѣ въ одну линію. Черезъ интервалы видѣлась впереди ихъ артиллерія. Въправо же отъ насъ шелъ къ самой рѣкѣ оврагъ или балка; на краю его позади насъ стоялъ полкъ, говорили, Угличкій.

Съ нашей позиціи, изъ фронта, почти только и можно было видѣть, что касается разиѣщенія войска.

Внизу подъ нами текла рѣка Алма. Почти вездѣ оба берега засажены виноградниками, а передъ нами — берегъ былъ открытый: ни садовъ, ни виноградниковъ съ нашей стороны не было. Правѣ за Алмой деревня татарская Тарханларъ все въ садахъ, лѣвѣ деревня Бурлюкъ — тоже въ садахъ. А подъ Бурлюкомъ мостъ черезъ Алму деревянный. Это все, то есть какія названія разсказалъ намъ янкеръ Селищевъ, и говорилъ, что мы почти въ центрѣ позиціи и что хоть не первымъ, а вѣрно изъ первыхъ придется въ дѣлѣ быть. Того и надо: каждый желалъ этого.

Видно было намъ, какъ по морю ползаютъ пароходы непріятельскіе, то взадъ, то впередъ — должно быть не даромъ горячку порать.

Всѣ офицеры говорили, что позиція наша очень крѣпка.

Вдругъ услышали мы выстрѣлы: орудія съ моря стрѣ-

ляли — разъ, другой, третій; берегъ обстрѣливали. Потомъ узнали, что непріятельскіе пароходы промѣръ дѣлали, да пробовали долетать ли снаряды до звонка флинта нашихъ войскъ? говорятъ: не долетѣли... Ну, и слава Богу! — А тутъ, слышимъ, гусары съ казаками нѣсколько французонъ захватили въ плѣнъ. Глядимъ, въ самомъ дѣлѣ, препровождаютъ верхомъ французскаго полковника къ главнокомандующему. Всего на выстрѣлъ отъ насъ проѣхали. А вдали опять слышна перестрѣлка.

Начало есть!

Къ вечеру стало извѣстно, что непріятель подошелъ ближе и готовится: казаки и гусары подѣзжали туда, перестрѣливались съ нимъ.

Когда смерклось совсѣмъ — приказано лечь спать и опять изнѣнать велѣлъ отдыхать спокойно. Ложась, многіе надѣли чистые рубахи, помолились усердно. Спали, дѣйствительно, спокойно.

И вотъ что значить — настоящій духъ въ ротѣ. Боже избави осудить кого, а только говорю, что было: у насъ всѣ спали — ни гу-гу! А рядомъ съ нами въ небольшой кучкѣ лежащихъ, то и дѣло: либо кто вздыхать начнетъ, либо шепчетъ молитву безъ конца, либо такъ ворочится, будто его клонитъ ѣдать. Дѣло, разумѣется, невольное, а нехорошо особенно молодежь прислушивается и черезъ то покоя нѣтъ: не отдохнетъ, какъ слѣдуетъ, встанетъ словно не доспавъ. Духу нѣтъ, вотъ что.

Разумѣется, слѣдуетъ Богу помолиться, — дѣло благочестивое, но на все есть свое время. На Бога надѣйся, самъ не оплашай! сказано. Нечего тутъ вздыхать, коли людямъ спать надо, гдѣ безъ силы — пропалъ человѣкъ.

Замѣчено искони: храбрый молится всегда—и всегда во-время: а трусъ—иногда и какъ разъ, когда времени нѣтъ—передъ сраженіемъ. Тутъ-то на него и нападаетъ тоска: такъ бы кажется и ушелъ, побѣжалъ, прости Господи, въ обители дальнія!.. Конечно, если не знаешь, придется ли тебѣ какинъ манеромъ завтра лечь спать, или же другимъ манеромъ засынуло уложить тебя навѣки, то не мудро, что и во снѣ побеспокоить тебя эта дума. Но какой же ты солдатъ, если будешь являться съ разными думками, да еще и на товарищей тоску наводить? Это не резонъ.

На-утро, чуть изъ за горъ блеснуло солнце, всѣ были на ногахъ. Съ мѣсто сходить не приказано.

День былъ отиѣнно свѣтлый. Первое—что мы замѣтили—это дымъ пароходовъ: тянулись они отъ Евнаторіи. Часу въ 8-мъ казаки дали знать, что непріятель собирается наступать.

У насъ стали приготовляться, надѣли амуницію. Въ 10-мъ часу встали въ ружье.

Въ 10-мъ намъ приказано надѣть ранцы. Солнце начинало порядочно печь, хорошо еще, что не въ лицо, а съ боку приходилось. Ждали мы долго. Впереди насъ за садами Тарханлара видѣлись колонны англичанъ, но стояли они недвижно, только играло солнышко на штыкахъ да орудіяхъ.

Стрѣлки наши разсыпаны были по садамъ и виноградникамъ, а перестрѣлка не началась.

Вдругъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ раздались выстрѣлы: сказали, флотъ непріятельскій бомбардируетъ. А вскорѣ послышалась и настоящая перестрѣлка артиллерійская и ружейная. Сзади насъ скакали ординарцы и адъютанты: „батарею на лѣвый флангъ!“ кричатъ. За Вурлакомъ по-

валили клубъ дыму—вспыхнула деревня Алма Тамакъ, говорили.

А черезъ какой нибудь часъ началась и у насъ перестрѣлка—англичанинъ двинулся. Показались наши застрѣльщики—отступаютъ въ порядкѣ и въ садахъ ужъ замелькали красные мушкетеры; это непріятельскіе стрѣлки. Глядимъ—горитъ Бурлюкъ; а къ мосту идутъ ихъ колонны. Дѣло, значитъ, начинается...

Мы взяли подѣ приклады. Двинулись они на мостъ и вся наша артиллерія открыла по нимъ огонь: такъ и рветъ у нихъ ряды; на мосту смерть такая, что и Боже мой! намъ виднехонько. Они таки замаялись, осадили маленько; вдругъ сквозь интервалы ихнихъ колоннъ выдвинулось свѣжее войско, красивое такое, перья на головѣ—Шотландцы, говорятъ. И пошли садить... идутъ впередъ подѣ прикрытіемъ застрѣльщиковъ. Дымомъ такъ все и заволочло... Пальба все ближе и ближе. Но еще была отъ насъ на добрый картечный выстрѣлъ—вдругъ, глядимъ, щелкнуло: первый фланговый, Микулинъ, шатнулся и обрушился. А тутъ другой, третій... Господи, воля твоя! вотъ такъ ружья!

И намъ скомандовали: пальба рядами! Затрещали по фронту, — дымъ такъ и стелется. Минутъ пять стрѣляли и ударили въ нашей колоннѣ отбѣй! застрѣльщики впередъ! глядимъ: скачетъ генералъ, князь Горчаковъ 2-й. Капитанъ крикнулъ: „приготовься, старики!“ кровь закинула, я думаю, у каждаго. Горчаковъ кричитъ: „бей наступленіе! на руку, впередъ!“ И двинулись мы впередъ... Въ дыму передъ нами непріятель какъ тутъ, шаговъ дрицать. „Впередъ!“ гаркнулъ голосъ капитана: гляжу, Селищевъ рванулся изъ фронта — богатырь - мальчишка, „Ура!“ кричитъ, и всѣ

грянули ура — въ штыки... Сшиблись, да такъ сразу и осадили мы его, только ляснуло желѣзо — отшатнулся ихъ фронтъ, и опять слышимъ: „впередь!“ всѣ намираемъ дружно... Въ эту самую минуту, въ дыму, сквозь непріятельскій фронтъ, вдругъ сверкнуло, какъ зарница, да — трахъ въ наши ряды, такъ и хряснуло. Господи! нѣсколько человѣкъ и Селищева скосило, а капитана кровью и мозгомъ всего обрызгало... Опять нагнали непріятеля, наперли, опять ляснули штыки... Глядимъ, Блесниъ упалъ. Сердце засвириѣло у всѣхъ, а тутъ опять: „впередь!“ кричить Орѣшниковъ... они отступаютъ и въ руковажку не идутъ; ужъ мы приперли ихъ къ самой почти рѣкѣ... Вдругъ сигналъ: „отступление!“ „на лѣво кругомъ!“ Что такое сталося?...

Сталося плохое дѣло, братцы: мы то принустили и осадили его какъ слѣдуетъ, по совѣсти — тутъ хотя онъ всю свою силу шли на насъ — развѣ сломали бы, а мы не попятимся бы, это вѣрно. А на лѣвомъ флангѣ — не устояли: съ моря катаютъ орудія, спереди орудія и войско его высылало съ подъ горъ, оттѣснили нашихъ; центръ тронулся и наша артиллерія сыглась съ своей позиціи — мы и остались впереди: не отступи — отрѣзали бы насъ совсѣмъ, а главное и батареи наши забрали бы.

Отступаемъ, отстрѣливаемся, а англичанинъ и поправился: да какъ дернеть-дернеть съ орудій, да потомъ и посылаетъ мелкотой — штуцернымъ огнемъ: до чорта палозналъ людей у насъ. А отступление, да еще въ гору — бѣда! Отѣла спотыкаемся, въ крови скользимъ; отстрѣливайся — а онъ претъ!

Видимъ, на всѣхъ пунктахъ отступление; а влѣво отъ

насъ кучка: точно снопы молотить, въ приклады ударили... Что такое? А это орудія наши, безъ лошадей, люди выносили въ гору: а они настигли, глядимъ, пропали наши два орудія! Эхъ, что-бы тѣ огнемъ сгорѣть: а тутъ отступай!

Ранцевъ на каждомъ шагѣ накидала, что сноповъ въ полѣ: молодежь утомилась. Выстрѣлы начали рѣдѣть, однако, все еще то того, то другого у насъ прицеливало — я шелъ въ прикрытіи, сзади, отстрѣливаюсь. Только приложился было и поймалъ на глазокъ наряднаго такого человека, не успѣлъ собачку — дернуть, а меня щелекъ въ локоть, и штыкъ въ землю уткнулся: разбилъ, подлечъ, косточку въ лѣвомъ локтѣ. Подхватилъ я ружье да назадъ, а рука, слышу — виситъ, какъ плеть...

Плохо дѣло! Спрашиваемъ: гдѣ капитанъ, братцы? — Увели! Власина и Селищева — увесли. Фельдфебель и два отдѣленныхъ ранены крѣпко, сами кой-какъ ушли. Многихъ изъ нашихъ не видно: Богъ вѣсть, гдѣ они.

Однако отступали въ порядкѣ до самой рѣки Качи. А надъ рѣкой татарская деревня, Эфендикой прозывается: противъ нее мостъ черезъ рѣку и мѣльное мѣсто — бродъ. Подходимъ мы къ деревнѣ, а тутъ суматоха такая, что не приведи Богъ: обозъ всѣхъ полковъ столнился: фургоны, лазаретныя фуры, офицерскія подводы; нѣсколько батарей артиллеріи прочищаютъ себѣ дорогу и всѣ стараются пробраться къ мосту, а улочка къ нему узкая. Крикъ, шумъ, тамаша: нѣхота остановилась: разуиѣтся, сперва орудія да фуры переправить надо.

Стоали мы часа полтора; видимъ, ночь подходитъ: намъ и сконандовали — маршъ впередъ! черезъ сѣды и виноградники, прямо къ рѣкѣ. А виноградники всѣ обведены

каменной стѣной, всё кинулись искать переправы, въ разбродъ; сталъ я перелѣзать за другижи, слышу—нѣтъ: сила не беретъ, рука не дѣйствуетъ. Спасибо перекинули меня черезъ стѣнку товарищи. Пока нашли бродъ, пока тащился я, а кровь изъ руки все текла да текла, и стало у меня темнѣть въ глазахъ. Опять спасибо, солдатикъ помогъ мнѣ перевязать кой-какъ руку, платчинко бумажный съ собой былъ; да на бѣду, затасканный—потомъ оказалось совсѣмъ не хорошо для раны.

Однако, пришли мы на Качскія горы, уже совсѣмъ ночью. Составили ружья; только я ранецъ то снялъ, присѣлъ — такъ и уснулъ гдѣ сидѣлъ; даромъ, что кругомъ шумъ и хлопоты. Видно, ослабѣлъ я отъ кровотеку.

Въ ночь лихорадка едѣлалась, истомила совсѣмъ. Поутру открылъ глаза, гляжу: солнце уже высоко, со взгорка, на которомъ мы расположились, далеко видно въ обѣ стороны—вездѣ народъ кипитъ, кучками—ротами и баталіонами. Въ лощинахъ стоятъ артиллерія, возы, лошади; вездѣ дымокъ, а внизу по ручью должно быть котлы грѣютъ. Тамъ и сямъ подходятъ по одиночкѣ люди; видно раненые.

У насъ въ ротѣ тоже ужъ проснулись: кто копошится у своего ранца, кто разговариваетъ, а большая часть, молча, уставили глаза въ одну точку... И я глянулъ туда: вижу, стоятъ капитанъ и говоритъ что-то самъ съ собою, очень громко: передъ нимъ лежитъ на землѣ подъ шинелью солдатикъ, платкомъ лицо прикрыто, а на шинели—обнаженный тесакъ положенъ.

Что за притча? спрашиваю товарища: что это? А онъ мнѣ отвѣчаетъ: „это Селищевъ убитый лежитъ, а капитанъ все говоритъ надъ нимъ неизвѣстныя слова: контуженъ въ

голову и не помнить, что говорить". Господи твои поля?

Блесниѣ тоже лежитъ и смотритъ на капитана, а самъ, какъ полотно, блѣдный. И онѣ сказали, крѣпко раневъ.

— Эхъ-ма, братцы, плохо дѣло!

— Что-жѣ, говорятъ: вѣдь дрались-то мы—одинѣ на двоихъ; ну, не судилъ Богъ, а стояли по совѣсти!.. Да, на томъ не конецъ: еще поправимся! промолвили другіе. Однако, скучно стало.

Озираюсь, а Ермолаичъ, лицо темнѣе матушки земли, чайникъ грѣетъ и ворчитъ, да только на кого-то все волкомъ поглядываетъ! — У-у, продѣ ты! мучить себя... Посмотрю, это онѣ на Зиновьева косится. Зиновьевъ, какъ камень, сидитъ, не двигается, и глаза въ землю потупилъ. А капитанъ все говорить, говорить, и конца нѣтъ рѣчамъ его...

И стало мнѣ совсѣмъ темно; изъ лихорадки въ жаръ кинуло. Подошелъ ко мнѣ нашъ цирюльникъ, развязалъ рану: „Эгъ ты, говорить, чудовище! какой лѣшій тебѣ руку перевязывалъ, да еще табачной трункой! вѣдь у тебя кость перебита!“

— Ну, перебита, такъ перебита, починий, братецъ!— А въ глазахъ все темнѣе да темнѣе, да такъ и ничего не помню дальше...

Горячка одолевать стала...

У.

Госпиталь.

Очнулся я въ госпиталѣ. Открылъ глаза, вижу—кругомъ все койки, и на нихъ лежатъ больные. У стѣнокъ

на полу тоже помещено нѣсколько человѣкъ. Я повернулся къ сосѣду: „Гдѣ мы, землякъ!“ спрашиваю.

— Въ Вахчисараѣ, землячице! отвѣчаетъ мнѣ бакенбардистъ: вишь ты, хранича какого задавалъ — день пять сряду спалъ!

— Не можетъ быть?

— Хоть не можетъ быть, да было! отвѣтилъ сосѣдъ: вѣдь ты, Господь съ тобою, тихую горячку отворолъ!

— Вона что!

И рассказалъ мнѣ сосѣдъ, что я недѣли четыре лежалъ совсѣмъ плохъ, въ горячкѣ; да вотъ ужъ дней пять какъ все спалъ, и что докторъ сего дня огладѣлъ меня и сказаль: будетъ здоровъ. А о себѣ рассказалъ сосѣдъ, что онъ канониръ и раненъ двумя штуцерными пулями, одна, говоритъ, насквозь прошла; а другая межъ костей было увязла, да докторъ шыковырилъ и теперь — ничего! только дыра ноетъ маленько.

И захотѣлось мнѣ ужасно ѣсть: искалъ я глазами кого нибудь изъ заведующихъ, и поймалъ фельдшера. Сталъ я его очень просить — дать мнѣ закусить: смерть ѣсть хочу, говорю, вола съѣлъ-бы! А онъ разсмѣялся: „погоди, братъ, больно проворъ! мы тебѣ золотниками хлѣбецъ отпускать будемъ!“ И точно: далъ онъ мнѣ супу тарелку, да хлѣбца какъ ребенку, и то еще говоритъ: ѣшь помаленьку. А тутъ его самого и съ супогами съѣлъ-бы, такой аппетитъ. Но, нечего дѣлать — слушай латинской команды!

И еще услышалъ я на другой же день очень надобныя и полезныя нашему брату рѣчи; только жаль, что поздно узналъ: докторъ нашъ сердился, рассказывать и жаловался

прибывшему офицеру.—Около моей койки говорили они, а слова не преронялъ:

— Половина этихъ раненныхъ совсѣмъ напрасно валяются, увѣрялъ докторъ: повѣрьте, говорить, что если бы внушить солдату, чтобы онъ, идя въ сраженіе, непременно имѣлъ за обшлагомъ хотя писточку корніи, хоть тряпку чистую, да сейчасъ же, какъ только ранятъ—за фронтъ и перевяжи рану толкомъ, останови кровь и не допусти чтобы открытую рану терло да разбѣдало движеніемъ—половина леченія готова. Солдатъ долженъ самъ понимать и озаботиться на всякій случай: во-первыхъ, вода необходима—обмыть рану и самому глотокъ выпить. Слѣдовательно, запасайся водой передъ дѣломъ. Во-вторыхъ, непременно нуженъ хоть какой-нибудь бинтъ съ тесенкой, для перевязки. Даже пластырь и спускъ можно бы имѣть въ запасъ въ ротахъ. А то вообразите: тащится съ позиціи съ неперевязанной раной, кровь льетъ, рану третъ да деретъ, нагрудить ее, да еще потомъ и уснетъ этакъ. Естественно, что сей часъ-же лихорадка, потомъ горячка, а не помилуетъ Богъ—и антоновъ огонь прикинется. И возись съ нимъ! А рана, иногда совсѣмъ пустая, если ее хоть немножко, но съ толкомъ, перевязать тотчасъ же.—Тутъ такихъ больше половины валяется! сказалъ докторъ.

А я только лежу и думаю себѣ: я и самъ такой. Угрозило же мени гризнымъ платчишкомъ, да еще табачку попало въ него малость—это на руку такъ и намоталъ съ табакомъ!

Потомъ узналъ, что иные прикладывали рану землей—это еще ничего; а другіе порохою—похуже вышло; а кто присыпалъ табакомъ—совсѣмъ дуракъ. Травой тоже

никуда не годится; одно средство—полотняная тряпка, а еще лучше съ корпией. А этого ни у кого и въ заводѣ не было.

Лазаретная палата наша была во дворцѣ Бахчисарайскомъ... команда средственной величины. Большая часть больныхъ были тяжело раненые—кто безъ руки, кто безъ ноги или прострѣленъ двумя-тремя пулями. Стоны и оханье не заюкали; воздухъ въ палатѣ былъ душный. Прислуга не успѣвала всѣмъ служить. Многіе стали совсѣмъ умирать и навели на всѣхъ тоску.

Вдругъ однимъ утромъ вбѣгаетъ фельдшеръ, какъ ошпаренный, кричитъ служителю: мети скорѣй палату! Самъ кинулся приводить свои банки да пластыря въ порядокъ: не пыли, чортъ-де дери! оретъ на служителя, бѣги за докторомъ! Смирно лежите вы, безголовые! кричитъ на насъ, а банки да стклянки у него подъ руками по столу такъ и пляшутъ.

Что такое случилось? думаемъ. Никакъ ошалѣлъ нашъ подлѣцарь! И вдругъ слышимъ среди палаты громкій и звонкій голосъ: „здорово, молодцы!“

„Здравіа желаемъ!“ глядишь и не знаемъ, какъ титуловать: въ солдатскихъ шинеляхъ, бравата вида, два молодые офицера...

„Здравіа желаю, Ваше Высочество!“ крикнулъ сосѣдъ мой, бомбардиръ. Вотъ оно—кто...

„Здравіа желаемъ, Ваше Высочество!“ повторили всѣ, у кого былъ голосъ.

„Государь прислалъ вамъ съ нами свою благодарность, ребята, за службу вашу...“ началъ Великій князь.

„Рады стараться Ваше Высочество!“ отозвались люди,

и, братецъ ты мой, какъ у кого, а у меня и боль прошла: обошли они всѣхъ больныхъ, съ каждымъ человѣкомъ поговорили привѣтливо и ласково. Крѣпко-раненымъ давали денегъ, спрашивали всѣхъ—не нуждаются ли въ чемъ, не желаютъ ли чего? и такое облегченіе и удовольствіе видѣлось на каждомъ лицѣ, что и рассказать нельзя. Плохо намъ было раненымъ, больнымъ, а еще хуже потому, что хоть дрались мы честно, по совѣсти—ну, не устояли, разбиты. Царь на насъ надѣялся, а мы дали разбить себя—совѣсть плохо. Кромѣ боли своей тѣлесной, давила тебя и эта думка: а что Царь-то думаетъ о насъ! Боль пройдетъ, а думка все-таки останется.

И вотъ тебѣ Царскія дѣти приносятъ Его же благодарности: „Спасибо вамъ! вы говорите, кровь свою за насъ проливали!“ Принесли они намъ не то что забытые всякой боли—пусть боль-то еще и скажется—а, какъ рукой, сняли съ сердца ту тоску, которая хотя и не скажется, а какъ червякъ точить тебя втихомолку, и самъ не разберешь, почему точить да и все тутъ.

Ободрилось наше страждущее войнство. Ихъ ужъ вѣтъ, они ушли, а въ глазахъ-то все мерещится что-то свѣтлое и будто слышится Богъ вѣсть изъ какой дали: „спасибо, ребята!“ знаковый и вѣрно-принесенный голосъ, и забываешь ты свою пролитую кровь...

— Постоянь, старики! думались мнѣ иѣрныя слова капитана. Не можетъ быть, чтобы еще не постояли какъ слѣдуетъ...

Не тотъ силенъ, кто повалялъ, а тотъ, кто вывернулся! еще погодимъ маленько.

Прошло еще дней пять; слышнѣе транспортъ съ боль-

нии изъ-подъ Инкермана тѣхатъ. Тамъ, сказывали, битва была порядочная, не хуже первой. Опять неудача, говорятъ.

Разсуждали мы объ этомъ съ сосѣдомъ канониромъ. Я говорю: плохо землякъ опять никакъ насъ одолѣли: А онъ мнѣ на то: ничего, говорятъ, теперь ихъ чередъ—въдѣ 13-го октября, пока ты тутъ лежалъ безъ памяти, наши у нихъ четыре батареи взяли, два полка кавалеріи уступали, самая бездѣлица изъ нихъ успѣла удрать! и разсказалъ землякъ о Чоргунскомъ дѣлѣ.

— Это все еще репетичка идетъ! отозвался черезъ него съ койки солдатикъ, а настоящія дѣла впереди.

Я спросилъ его, откуда онъ прибылъ: „изъ первой линіи, говорятъ,—Бородинцевъ!“ Коренастый солдатикъ и равенъ порядочно. Мы, правда, слышали, что Бородинцамъ было жарко.

На другой же день за тѣмъ, выбрали изъ насъ, кто понадежнѣе, изъ всѣхъ палатъ и отправили на колониетскихъ фурахъ въ Симферополь. Канониръ и Бородинцевъ успѣли со мной на одинъ возъ. Обозъ былъ большой, потянулись горы.

Сначала показалось, будто и хорошо воздуху чистаго хлебнуть да поразмяться послѣ лежанья. А съ подорожи начали люди покривчивать: порастрясло, раскачало—раны у другихъ тронулись. Вечеромъ пріѣхали въ Симферополь. Помѣстили насъ человекъ, я думаю, до ста, въ длинной казармѣ у самаго въѣзда въ городъ.

Рука моя ныла; люди кругомъ толкались и шумѣли—искали себѣ мѣста; иные опустились гдѣ понало у стѣнки обезсиливши. Намъ съ канониромъ и Бородинцемъ удалось

пробраться въ уголокъ; не долго думая, мы завалились рядомъ на нары. Я скоро и заснулъ съ устатку.

На другой день, пробудясь, разглядѣлъ я нашу компанію; какихъ-то войскъ тутъ не было: и наши разныхъ полковъ, и французы, и англичанинъ завернувшись лежить, а у стѣнки на полу турокъ въ фескѣ, какъ убитый — не шелохнется. Весь день устроивались; суматоха была не маленькая, пока каждому приладили мѣсто.

Въ полдень принесли кашу; поѣли мы горячаго, да такъ сразу опять меня въ сонъ кинуло. А проснулся я ночью и въ первый разъ стало мнѣ, не то, что страшно, а какъ-то удивительно.

Гляжу кругомъ, точно туманъ синій стелется по длинной палатѣ, а въ концѣ трепещетъ тусклый свѣтикъ ночника. Въ углу надъ столомъ у свѣчки кончатся фельдшеръ съ пластырями и стѣлками; сидя на полу, дремлютъ и спятъ, всхрапывая, усталые служители лазаретные. Воздухъ густой такой, пахнетъ кровью... А сѣрые ряды раненыхъ лежатъ въ потыи и глухіе стоны словно волны колыхаются... Вырвется ино легкій вскрикъ, заворочится шинель и раздастся протяжное охавье: „Воды: просить сильный голосъ... Поверните меня... Поднимите меня... о, Господи.... умираю....“ Тихо движется туда, какъ будто плыветъ черная тѣнь—наклонится къ изголовью стонущаго—и сверкнетъ золотой крестъ, качнувшійся въ воздухъ: это Сестра милосердія подошла къ умирающему, беретъ его за руку и тихо читаетъ ему послѣднюю молитву...

А тутъ поднимается бѣлая голова и дико уставитъ неморгающіе глаза; заклеено пластыремъ все лицо, обожжено до костей, и только дырки для глазъ чернѣютъ.

Иной мечется въ горячкѣ, закинулъ назадъ голову, не съгоритъ, улыбается... Олишны насызныи, шепотливыи рѣчи. О-бокъ сѣдой усачъ, блѣдный, какъ воскъ, полу-сядя, понурилъ голову на грудь и хрипѣть звучно; тяжелымъ спомъ уснулъ, за-день умяившись. Тутъ же всплаконеть усталымъ рыданьемъ, стоя на четверенькахъ, безусый мальчишка; пашковъ пронизанъ онъ пулями и не можетъ, бѣдныя, прилечь... все неловко ему, вездѣ болитъ. И вотъ всѣ притихли, точно притаились въ темени все стениціи боли... Чуть перцаеть огонеть и словно крадутся одни за другими тихіе стоны, боясь разбудить дремлющихъ страдальцевъ... Тихо...

И вдругъ — „первое, плив!“ какъ выстрѣлъ рѣвнулъ зычный голосъ! „катай, руби, впередъ ваши!“ оретъ сердитый усачъ. Сорвался изъ угла французъ, какъ пѣтухъ вскрикнулъ во все горло—и опять замирають эти воли въ общемъ протяжномъ стонѣ... Только корчится туловище подъ красной феской, дрожить и шепчетъ что-то про аллаха; да сонными глазами глянетъ рыжій англичанинъ и завернется покрѣче въ свой плащъ...

Это — расхристанный четырьмя пулями бомбардиръ вступенулся въ лютой горячкѣ: почудилось ему—забирають его батарею, что ли? Двадцать голосовъ болѣзано отвѣтило ему! эхъ тебя! эхъ ты, братецъ горло то дерешь! о Господи! И снова все затихаетъ по маленьку, ностонимая да вздыхая...

Передъ свѣтомъ умяются вздохи да охи, все успокоится, рѣже слышатся стоны и ровнѣе раздается хрипѣнье спящихъ.

А займется день и—опять закипѣла работа докторовъ, фельдшеровъ и госпитальныхъ служителей.

Большую утѣху и облегченіе приносили намъ — дай Господи нѣ здоровья — Сестры милосердія: лекарство ли дать, перевязку поправить, воды испить подать — все это точно изъ ангельскихъ рукъ принимали раненные; и, какъ знать, успокоить она тихими словами всю боль твою... У насъ были сестры Крестовоздвиженскія: сказывали, ихъ снарядила и прислала къ намъ Великая Княгиня Елена Павловна. Не одна-то солдатская молитва дошла до Господа за Ея здоровье. Издалека вспоминуло доброе сердце Ея о насъ и прислало намъ такое истинно материнское утѣшеніе.

Другой въ болѣзни совѣмъ истерпится и станетъ какъ ребенокъ худой — упрямъ и привередливъ: никто ему не угодить, никто и не захочетъ утѣшить его, а Сестра милосердія только присядетъ къ нему, только прикоснется ручкой своей къ лицу его, и плачетъ онъ и слушается ее, какъ слушается дитя малое ласковой матери своей.

Иногда заходили къ намъ барыни: слуги несли за ними корзинки: по среднѣ палаты на столѣ закипалъ водерный самоваръ. Раздавали намъ булки, фрукты, виноградъ, вино и чай: хоть повремену достанется, а вѣдь какъ осѣждаетъ! Да ужъ однимъ взглядомъ какое утѣшеніе глядѣть на добрыя, ангельскія лица? А заговорить тебѣ другая голоскомъ своимъ ласковымъ такъ, что и боль забудешь.

Право, слѣдовало бы имъ, красавицамъ — то заглаженнымъ, повѣдывать въ такую годину нашего брата: и намъ душу отводить видъ ихній, и каждое слово ихнее здоровья придаетъ; да не можетъ же быть, чтобы и солдатскія молитвы наши не прибавили на ихъ благословенія Господа! Вѣдь истинно сказать: никто и во вѣки не можетъ ей пожелать такого счастья и принести такую благодарность горячую, какую

мы передъ Богомъ приносили имъ и сохраняли въ душѣ своей.

Не далеко отъ насъ на полу лежалъ турокъ; чуть живъ бѣдняга. И помню я, принесла ему одна барышня трубку и табаку, сама закурила и подала ему. Господи, Боже мой: что сдѣлалось въ лицѣ этого бѣдняги, какъ благодарилъ онъ—и рассказать нельзя. Выгнули у него слезы, хватался онъ за грудь, за лобъ свой, ловилъ ноги барышни устами своими. И если остался онъ живъ, то, конечно, вѣкъ свой не забудетъ этой трубки табаку. Смотрѣть было жалостно, какъ почалъ онъ ее сосать и дымокъ пускать.—просто жертвецъ ожилъ.

Черезъ недѣлю по приѣздѣ нашихъ въ Синферополь я сталъ поправляться, и рука даже начала разгибаться легонько. А тутъ неслыханная радость: разъ по утру навидываю шинель, хочу пройтись—позволяли по двору погулять поправлявшимся,—глядь—Тетерюхъ въ дверяхъ. Какъ такъ? спрашиваю.—Съ командой пришелъ, говорить: за провіантомъ.

Какъ это думаю: итудерника, перваго стрѣлка—на-радили за провіантомъ?

Вышли мы съ нимъ на дворъ, ушлись на дрона: онъ мнѣ и разсказалъ о нашихъ: „работаетъ ротъ, говоритъ, какъ Богъ велѣлъ: за третьимъ бастіономъ стоитъ; сколько разъ ужъ на вылазку ходили, а охотниковъ только крикнуть,—у насъ хоть всѣ гетоны. Перебито народу, насчиталъ, не мало. И говоритъ мнѣ: иду по приказанію роты навѣдать капитана и подпоручика: они здѣсь, въ домѣ у собора лежатъ.

— Можетъ ли быть! говорю, погодите минутку! Вѣгу къ фельдшеру, прошу его Христомъ Богомъ позволить схо-

дять къ капитану. А на мое счастье—докторъ входитъ и съ перваго же слова отпустилъ на часокъ, только приказалъ мнѣ руку подвязать.

Отправились мы съ Тетерюкомъ къ капитану. Недаромъ рота послала Тетерюка: капитанъ любилъ его.

Пришли мы къ собору; намъ указали угловой домъ, гдѣ лежать раненные офицеры. Безъ всякихъ хлопотъ впустили насъ въ палату, и первый человѣкъ, который кинулся намъ въ глаза, былъ—капитанъ нашъ, Степанъ Алексѣевичъ.

Онъ стоялъ почти посреди палаты въ дубленомъ полушубкѣ, гладко причесанъ и говорилъ что-то очень громко. Кругомъ его господа офицеры: кто сидѣлъ, кто стоялъ, иные лежали, покуривая папироски—и все слушали. Мы съ Тетерюкомъ остановились у дверей и стали слушать: Степанъ Алексѣевичъ говорилъ—словно книгу читалъ, а неизвестно о чемъ. Говорилъ онъ долго, громко, ровнымъ голосомъ и никуда не глядѣлъ—глядѣлъ передъ собой.

Минуть съ десять слушали мы, и господа слушали—и стало намъ трепетно: говорить человѣкъ, а неизвестно, что говорить.

Подпорушникъ Влссинъ сидѣлъ на койкѣ и бесѣдовалъ съ какимъ-то усатымъ господиномъ. Онъ замѣтилъ Тетерюка и вликнулъ его; а я остался у дверей, онъ меня не замѣтилъ. Влссинъ очень обрадовался Тетерюку; поговорили они—глажу: Тетерюкъ досталъ изъ-за голенища тавлинку; перекрестился и прямо идетъ на капитана... Что за притча! Протянулъ онъ руку съ тавлинкой передъ капитаномъ и громко говоритъ: „здравіа желаетъ, ваше благородіе, Степанъ Алексѣевичъ!“

Капитанъ и не моргнулъ; все продолжаетъ говорить, а Тетерюка съ тавлинкой и не замѣтилъ даже. Тотъ стоитъ съ вытянутой рукой и глядитъ ему во всё глаза—а капитанъ свое: говорить рѣчь.

Вижу, задрожала рука Тетерюка, весь помутился онъ; еще замолился ему: Ваше благородіе, Степанъ Алексѣевичъ!.. А онъ свое: продолжаетъ громкую рѣчь и не обращаетъ никакого вниманія...

Вдругъ вскочилъ съ подъ окна Ермолаичъ, да къ Тетерюку: „что ты, говоритъ, глумиться что-ли пришелъ?“ повернулъ его налѣво кругомъ — ступай! Такъ и пошелъ Тетерюкъ, ничего не понимая, задрожалъ весь; уронилъ крышку отъ тавлинки—господа крикнули ему: ой, служба, крышку уронилъ, подыми! а онъ и не слышитъ ничего. Вышелъ съ нами за двери Ермолаичъ и давай ругаться: „вѣшто вы пришли сюда страдиться, а?“

Тетерюкъ говоритъ ему: рота приказала навѣдать Степана Алексѣевича! А Ермолаичъ ничего и слушать не хочетъ.

— Что жибъ твоя рота! кричитъ: Селищева убили, капитана оглушили, на вѣкъ насъ передъ бариней дураками сдѣлали: проды вы, ничего больше!—и говорить съ нами не намѣренъ!

Ну, мы знаемъ, что онъ, такъ сказать, придурковатъ, стали ублажить его и распрашивать, что и какъ—насчетъ капитана? насилу уломали.

„Да, вотъ—что видѣли: и больше ничего!“ отвѣтилъ Ермолаичъ.

„Что-же онъ говоритъ такое?“

— Извѣстно, ничего худого, а все больше божествен-

ное или по службѣ: иѣшто онъ станетъ чортъ знаетъ что говорить?

Спрашивали мы насчетъ разума: есть ли память-то у него?

— Известно, что разумъ есть, отвѣчалъ Ермолаичъ: еще бы у него разуму не было! а какая-жъ тутъ память, коли понизашь—контузію получилъ!... Памяти быть не можетъ у человѣка, коли оглушенъ... отшибло память. По-нурившись разсуждалъ Ермолаичъ и, вдохнувши, пробормоталъ:—никогда не надѣялся я, чтобы его не уберегла рота... И такое вышло разореніе!... Хоть бы эта сатана—Зиновьевъ: ну, куда онъ, идолъ, теперь глаза покажетъ! а?... На то-ли отдали ему, апаоохъ, дитю?... И горестно и въ сердцахъ разсуждалъ Ермолаичъ:—Да вамъ что? вы здѣсь поляжете—и все тутъ: А ниѣ-то каково? я-то какъ съ нимъ явлюсь?... Видѣли, говорить, что изъ него сдѣлали? ноги и хвастай теперь ротъ-то! А Александръ Леонтьичъ гдѣ?... Мошенники вы, больше ничего!“ Хлопнулъ дверью и ушелъ.

— Никакъ и онъ спятилъ! шепнулъ я Тетерюку; но Тетерюкъ ничего ниѣ не отвѣтилъ, а только мотнулъ головой, да вздохнулъ тяжело.

Распрощались мы съ Тетерюкомъ.

Не думалъ—не гадалъ я, что съ этой прогулки приключится миѣ горе; рука моя совсѣмъ разболѣлась: костоѣда прикинулась и пришлось миѣ пробыть безвыходно въ госпиталѣ иѣсяца три. Опять-было въ горячку свалился: изъ бездѣлицы чуть не вышло большого несчастія для меня.

Только къ намъ иѣсяцу кой-какъ поправился. Ходилъ опять навѣдать подпоручика, а капитана уже не засталъ:

увезъ его Ермоланчъ къ Свирилицѣ къ Марѣ Леонтьевнѣ; вышелъ его отпустить на излѣченіе. Андрей Михайловичъ Влссинъ все это мнѣ рассказывалъ и говорилъ, что вдовушка Марья Леонтьевна нишегъ къ нимъ часто, а о смерти брата ничего не знаетъ.

Эхъ разорили бѣднягу! не даромъ говорилъ Ермоланчъ, что разорили: хоть глухъ, а правду сказалъ...

Къ концу мая рука совсѣмъ поправилась. Былъ и у Влссина; и его раны зажили—онъ собирался на выписку къ родѣ. Попросилъ и его, чтобы и меня забралъ съ собою. Изволь, говорить.

И къ великой радости нашей, 1-го іюня собралось насъ человѣкъ пятнадцать разныхъ полковъ и командъ—все выздоровѣвшихъ. Построились у заставы, пришелъ Андрей Михайловичъ... ему было приказано отвести команду въ Севастополь.

Перекрестились—и маршъ!...

VI.

6-е іюня 1855 года.

Шли мы на-легкѣ; погода стояла отличная; по пути—направо и налево встрѣчались зеленые сады, виноградники, нивы почти созрѣвашаго проса. Привольно дышалось на просторѣ; казалось полетѣлъ бы какъ птица, вынужденная изъ клѣтки.

Вечеромъ подошли къ Вахчисараю; все вниманіе слышались далекіе выстрѣлы—это Севастополь бомбардируютъ.

Въ Бахчисараѣ ночевали. Въ тишинѣ ночи еще слышѣе была канонада, а порой, среди крѣпкого сна—вдругъ грянетъ глухой залпъ, точно взорвало корабль или пороховой погребецъ.

Поутру опять въ походъ; вмѣстѣ съ нами изъ Бахчисарая вышла тоже команда изъ Севастополя. Навстрѣчу безпрестанно попадались подводны, но большей частію съ большими: инкерманская лихорадка взяла не мало людей въ войскѣ. Офицеры и курьеры обгоняли насъ; по дорогѣ было большое движеніе.

Съ Вельбека открылся Севастополь.

Пріостановились мы на минутку. Стоялъ онъ какъ богатырь, среди дыму и гроа—принималъ и разсчитывалъ удары и, точно грудью твердою, отстаивалъ землю русскую своими каменными стѣнами. Необозримое море сверкало за нимъ, а по морю, какъ черное воронье, сталъ кораблей каркали въ него жерлами своихъ пушекъ.

Выбухнетъ бѣлый дымъ и расходится темными кругами; а долго спустя простонетъ выстрѣлъ и отзовется у тебя, кажется, въ самомъ сердцѣ; Богъ знаетъ, сколько погилъ вырлъ этотъ выстрѣлъ...

Пришли на „Сѣверную“: съ полчаса ждали тамъ баркаса. Онъ причалилъ съ грузомъ раненыхъ нашихъ; мы помогли высадить ихъ и сами сѣли въ баркасъ. Боцманъ со свисткомъ на груди, съ темнымъ, словно жѣднымъ лицомъ, сидѣлъ на рулѣ: „Отваливай!“

Быстро скользили мы по бухтѣ; канонада гремѣла; кирѣдка видѣлась на водѣ всплескъ отъ упавшаго снаряда. Вправо сверхъ воды, торчалъ конецъ мачты. Блеснулъ боцмана—какая это мачта?

— „Трехъ святителей“, отвѣтилъ онъ и, нахмурясь, смотрѣлъ въ море.

Это послѣ афискаго дѣла храбрый адмиралъ Корниловъ съ военнымъ совѣтомъ порѣшили: „затопить корабли при входѣ въ бухту, загородить входъ въ нее непріятельскому флоту и оборонять Севастополь до послѣдняго человѣка“. Славныя слова его на этотъ совѣтъ не забудутся во вѣки: „Погибнемъ, но не сдадимся! кто заговоритъ о сдачѣ, будь онъ солдатъ или генералъ, всикій имѣетъ право заколотъ его!“

Бомба убила славнаго адмирала Корнилова, но великій духъ богатыря оцѣнилъ нашу флотъ храбрый, и каждый матросъ почувалъ въ себѣ богатырскую силу своего славнаго начальника.

Высидѣвшіе на пристани, прошли мы Екатерининскую улицу; на Центральной площади подпоручикъ останавливал команду и пошелъ справиться, гдѣ расположены полки, чтобы сдать всѣхъ людей.

Время было уже поздъ вечеръ; канонада продолжалась; кругомъ насъ кинѣло движеніе, носили патроны и снаряды къ бастіонамъ; отсюда принесли на шинели раненаго офицера. Нѣсколько матросовъ, проходя мимо насъ, остановились; одинъ узналъ земляка въ нашей командѣ и разговорился съ нимъ.

Другая команда, человѣкъ пять, сидѣла въ городѣ: усталые, замачканные и закуренные, въ замасленыхъ шапкахъ на затылкѣ и съ козыремъ кверху, храбро сидели они рѣдкую, поругивая кого-то съ улыбкою. Флотскій унтеръ окликнулъ ихъ: „Куда это, храбрая сволочь?“ Улыбаясь, они махнули руками и прошли.

Вотъ еще какой титулъ! подумалъ я...

Вдругъ всѣ обратили глаза въ одну сторону и снимаютъ шапки. Вижу—идетъ нѣсколько человѣкъ начальства. Спросилъ я одного матросика—кто эти начальники? онъ мнѣ назвалъ каждого по имени. А имена эти теперь знаетъ вся Россія, да и всему свѣту хорошо они извѣстны. Морякъ рассказывалъ мнѣ:

— Вотъ этотъ, въ старенькомъ пальтишкѣ, инженерный, чистое лицо, небольшіе усы—это Тотлебенъ—слышалъ объ немъ?

— Какъ не слыхаты; стѣнку-то сработалъ! отвѣчалъ я.

— Да, братъ, маленькую: промолвилъ морякъ... да и пушками изукрасилъ ее.

— Тотъ высокій, сухощавый, князь Васильчиковъ, отважная душа.

— А вотъ этотъ, глядитъ изъ-подъ бровей, какъ коршунъ—это братъ, Хрулевъ...

Другой матросъ подшепнулъ: Этотъ крѣпко не по шерсти союзникамъ-то: ужъ согрубилъ имъ маленько, да какъ-бы и совсѣмъ не *осоюзилъ* ихъ... Точно будто онъ знаетъ, что дня черезъ два—три, дѣйствительно, Хрулевъ *осоюзитъ* ихъ порядкомъ.

Господа въ это время подошли къ намъ совсѣмъ близко и одинъ изъ нихъ въ адмиральской формѣ, въ свѣтукѣ, сутуловатый, препечтеннаго и тихаго лица, привѣтно поздоровался съ нами. Дружно и трепетно отвѣтили всѣ—и въ голосѣ-то слышно было, что не одни слова произносить каждый, а дѣйствительно за его здравіе положилъ бы все свое здравіе.

— Кто это? спросилъ я нянотомъ моряка.

— Нашъ Павелъ Степановичъ, адмиралъ Нахимовъ, отвѣтилъ морякъ: тотъ самый, что подъ Синопомъ туркъ весь флотъ его сжегъ. Вспоминалъ я рассказы про морскую Синопскую битву...

Моряки въ немъ души не слышали и все войско любило и уважало его душевно, да и почтенный-же человѣкъ и славный воинъ былъ онъ, царство ему небесное.

Подпоручикъ Влесинъ въ это время возвращался къ намъ и отдалъ честь проходящему начальству. Нахимовъ подозвалъ его и что-то переговаривалъ съ нимъ. Они ушли, а Влесинъ все еще стоялъ и почтительно глядѣлъ въ слѣдъ за ними.

Конанку разослали по полкамъ: мы съ поручикомъ отправились къ своему баталіону и увидѣли, наконецъ, нашихъ.

„Здравія желаю, 8 мушкетерская!“ Такой радости для себя я и во вѣкъ не помню: словно родныхъ братьевъ, отца и мать увидѣлъ.

Многихъ не оказалось въ ротѣ: кто убитъ, кто раненъ крѣико и отправленъ въ госпиталь, а кто пошелъ въ охотники, да не вернулся. Поручикъ невредимъ. Гладншъ тоже. Правда, мѣсяцень восемь не видалъ я роты, за то другого и узнать нельзя было: мальчишкой, рекрутомъ оставилъ его, глядѣть не уиѣлъ — какъ соня изъ дунла глаза таращить бывало, а теперь, поди — солдатъ, какъ выкованъ... Человѣка три моихъ сверстниковъ съ крестами оказались, одинъ унтеромъ. Да! дѣло разуму учить. И Арефьевъ мой куда какъ поправился: солдатъ изъ первыхъ. — Эхъ, капитана старика нашего иѣтъ: порадовался бы!

Обрадовалась рота Влесину, что и сказать нельзя! а поручикъ не зналъ, какъ и принимать гости; а его все на бастіонъ охота тянуть.

Нашъ баталіонъ стоялъ за 3-й бастіономъ: на ночь помещались въ блиндажахъ. А больше приходилось ночью работать; бомбы и ядра непріятельскія крѣпко разбивали насыпи бастіона; иной разъ совсѣмъ развертывать амбразуру—до свѣту исправить надо.

Работали мы почти безъ отдыха; а штучерные съ утра до ночи такъ и живутъ на стѣнѣ.

Стали переговаривать у насъ о штурмѣ: на дняхъ, говорятъ, будетъ непрѣлѣно. Какъ ни таили союзники, да видно—такого шила и въ каменномъ мѣшкѣ не утаишь.

5-го числа, часу съ четвертаго утра зареяла жестокая канонада со всѣхъ непріятельскихъ батарей. Длилась она весь день, а ночью началась бомбардировка: пароходы ихніе подходили къ самой бухтѣ и метали въ крѣпость бомбы и зажигательныя ракеты. Почти что и не слышно было выстрѣловъ, а просто стоятъ и гулъ стоялъ. На нашемъ бастіонѣ три раза подбили орудія; мы помогали артиллеристамъ поставить ихъ на мѣсто.

Всѣ догадались, что на утро быть штурму: не даромъ непріятель такую тучу снарядовъ пускаетъ на насъ. На всѣхъ батареяхъ натащили патроновъ и прочихъ снарядовъ... изготовились: мы были на чеку. Хрулевъ командовалъ всей оборонительной линіей.

На завтра, т. е. 6-го іюня, еще не начинало свѣтать—послѣ жаркой бомбардировки: огонь непріятельскій вдругъ затихъ.

„Приготовься, ребята!“ слышались у насъ голоса коман-

дировъ. Всѣ приготовлялись. И тутъ поручикъ Орѣшниковъ, вѣчная ему память, сказалъ намъ свое послѣднее слово: „Ну, старики, чуть ли не пора припомнить слова Степана Алексѣевича: клади врага лоскомъ или самъ въ прахъ разбейся! середины вѣтъ. Притихли они не даромъ — быть бурѣ. Смотри же, двинуть такъ, чтобы далеко было слышно: вынесъ Богъ — хорошо, а придется лечь — ляжемъ честно! Приготовься, старики“. — И сказалъ онъ это тихо, какъ будто дружески разговаривая. Постараемся, ваше б-діе, Федосѣй Николаевичъ! тихо и внятно отвѣтили люди. Блескъ стоялъ — не шелхнулся.

Вдругъ послышалась на лѣвомъ флангѣ нашемъ ружейная перестрѣлка и вслѣдъ за тѣмъ — видимъ, какъ туча двинулись французы на 1-й бастионъ и открыли по немъ жестокой батальный огонь. А въ это время съ нашихъ парашотовъ, съ корабельной бухты пустили по непріятелю огонь изъ орудій. И не больше какъ черезъ четверть часа — разомъ противу всѣхъ бастионовъ показалась непріятельская сила: французы и англичане бѣжали на насъ бѣгомъ, молча.

— Господи, благослови! Всѣ устремили на нихъ глаза и ждали сигнала. Вѣво отъ насъ шла жаряя: Суздальцы и Селезневцы отстаивали Корниловскій бастионъ... уже французы атаквали его.

Ближе къ намъ, правѣ Корниловскаго бастиона, устроена была батарея; называлась — Жерве. Видимъ мы — на нее метнулись французы и тамъ пошла страшная свалка; въ пять-шесть минутъ они показались на валу, завладѣли батареей, наши были выбиты и отброшены отъ батареи.

Все бастіоны наши закинули народомъ, и готовились принять сѣвшихъ гостей. Батарея Жерве погибла.

Въ самое это время увидѣли мы роту Сѣвскаго полка въ боевой амуниціи; она возвращалась съ ночныхъ работъ на свою батарею. Къ ней подлетѣлъ генералъ Хрулевъ, крикнувъ громко людямъ:— „Благодѣтели, помогите! за мной!“ — и повелъ ее на батарею Жерве.

Черезъ минуту и намъ приказано сѣсть туда же.

Сѣвцы побѣждали бѣглыхъ шагомъ; мы были за ними выстрѣла на два или три.

И вотъ, эта славная 5-я рота, уже у батареи, встрѣчаетъ опрокинутый Полтавскій баталіонъ... „Впередь!“ — донесся до насъ голосъ храбраго капитана Островскаго, и первые ряды смело нырнули въ этотъ омутъ; а свяди налегали, перли, и вся рота, и за ней Полтавскій баталіонъ — ринулись въ схватку.

Ласкали штаны, съ размаху жолотили приклады, голые кулаки и ножи мелькали надъ головами, крикъ выривался въ стукъ и лоскотъ оружія. Мы приближались бѣгомъ; за нами сѣвники. Павловъ съ Якутцами; а тамъ кипѣла богатырская схватка, — *благодѣтели помогали!*...

Какъ по своей силѣ вскинула Орфинникова на насилье, и рядомъ съ нимъ Влссинъ: Впередъ, старики! Тѣснѣе забѣгали наши за ними, и, впереди удалцовъ, Влссинъ кинулся по тѣламъ убитыхъ въ синюю середку свалки. Французы стояли храбро, какъ амфи извивались. Зуавы съ своими ножами, рѣзали, кололи, сапи падали и не уступали ни шагу; вломится горсть Сѣвцевъ въ ихъ толпу, рветъ, жечетъ, душитъ направо, налево, двинетъ ихъ назадъ; — и снова обойдутъ они, и снова они въ батарею;

а Сѣвцевъ все меньше да меньше... Туда-то и устремился Блесинъ; Орѣшниковъ, крикнувъ — за мной! очутился рядомъ съ нимъ. Ура! гаркнули наши; а тутъ Полтавскій баталіонъ и Якутцы приударили разомъ. — И видѣлъ я, какъ свернула надъ головами сабля Блесина, высоко взмахнулъ прикладомъ Зиновьевъ, очертилъ имъ въ воздухѣ полукруга — и обоихъ не стало... Поднялъ Тетерюкъ на штыкѣ лавра и грохнулся съ нимъ вѣстѣ на грудь тѣлѣ... Раза два точно вынырнулъ изъ толпы вражьей Гладышъ — и ужъ не видѣлъ я его больше. — Киинтъ рукопашная. Французамъ прибываетъ подкрѣпленіе: еще сшиблись, еще схватились на смерть... Но по грудямъ тѣлѣ, и нашихъ и непріятельскихъ, пронесли наши баталіоны съ крикомъ: ура! сломили и понерли всю непріятельскую силу, преслѣдуя ее далеко за батареею.

Батарея Жерве устояла, — штурмъ отбитъ на всѣхъ бастіонахъ... Ура, старичье! — ревѣлъ какъ хмѣльной, съ перебитыми погами и весь въ крови, штудерникъ нашъ Панкратьевъ...

И видѣли мы эти славные остатки богатырской сѣвской роты; обрызганные кровью, оборванные, выходили они изъ батареи... Ихъ было *тридцать три* человека. Поджи глядѣли на нихъ какъ на „силу“; вся Россія знаетъ ихъ почетное число. Остальные легли костями...

Офицеры и больше половини нашей 8-й мушкетерской честно полегли рядомъ съ богатырями. Орѣшниковъ, Блесинъ, Зиновьевъ, Тетерюкъ и почтенный дядька мой Иванъ Егорычъ, разувѣтся, остались тамъ; племяннѣ мой Арефьевъ тоже не вернулся. А я обомлѣлъ, — таже сажая грѣшная рука моя, что подъ Алюю наподила мнѣ, вижу —

опять висить какъ плеть. И висѣла и болталась она до тѣхъ самыхъ поръ, пока, по недолгомъ размышленіи, доктора совѣтъ ее не отрѣзали. Прощай, служба!...

Все прошло. Враги разгромили Севастополь; и стоитъ, какъ могила, наша славная разоренная крѣпость...

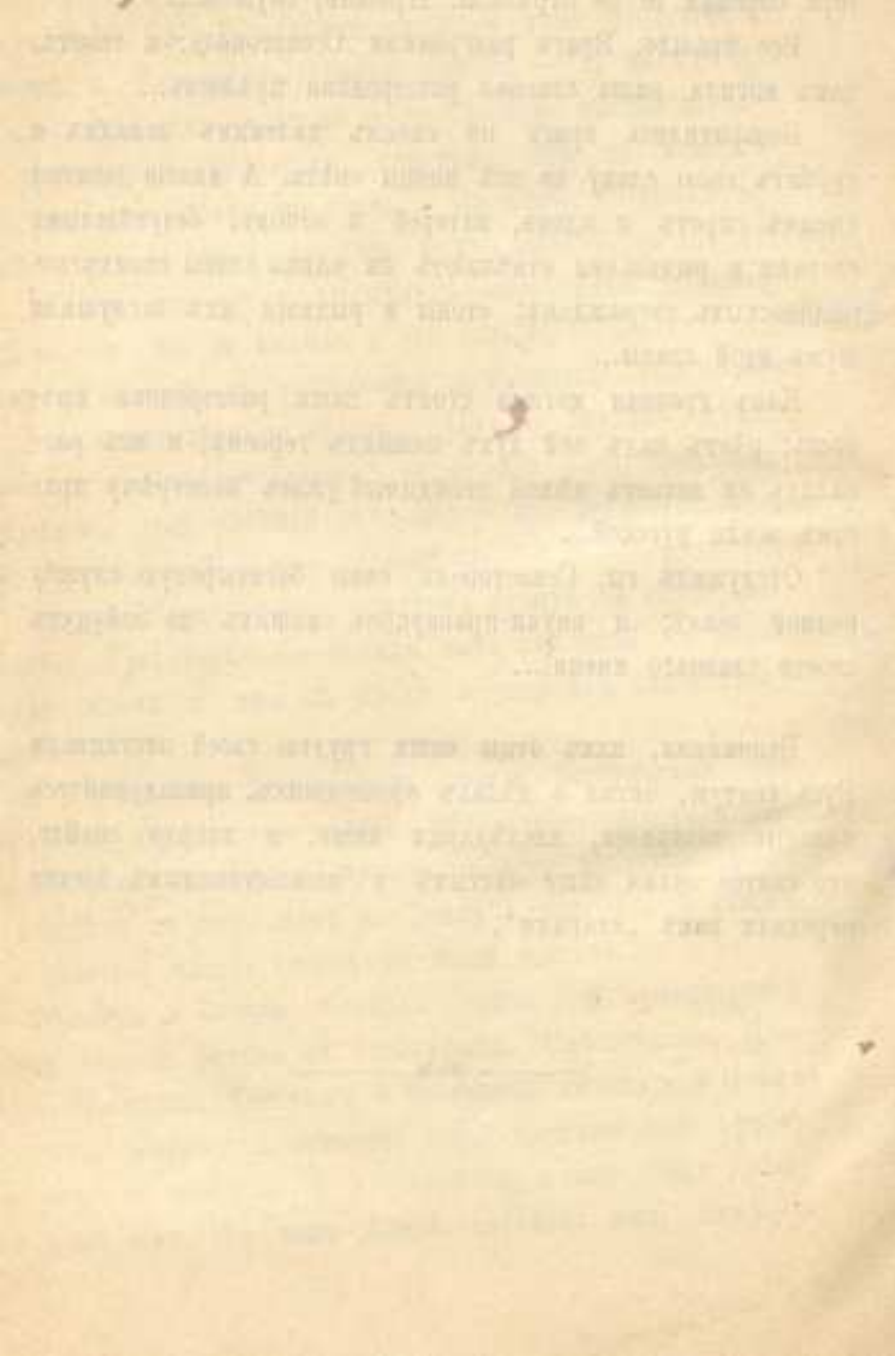
Возвратились враги по своимъ далекимъ землямъ и трубятъ свою славу во всѣ концы свѣта. А многіе десятки тысячъ сиротъ и вдовъ, матерей и отцовъ, безутѣшными слезами и рыданіями отвѣчаютъ на клики славы своихъ побѣдоносныхъ согражданъ; стоны и рыданія ихъ заглушили шумъ этой славы...

Какъ грозная могила стоитъ наша разоренная крѣпость; рѣшетъ надъ ней духъ павшихъ героевъ, и изъ развалинъ ея встаетъ пѣмой невидимый ужасъ навстрѣчу врагамъ земли русской...

Отслужилъ ты, Севастополь, свою богатырскую службу родной землѣ; и внуки-правнуковъ нашихъ не забудутъ твоего славнаго имени!...

Вспоминая, какъ отцы наши грудью своею отстаивали Русь святую, читая о дѣлахъ прошедшихъ, призадумайтесь молодые товарищи, наследники наши, и твердо знайте, что святое знамя наше чистымъ и незапятнаннымъ честно передали вамъ „старіи“.

A 9 BOTOCCHATO

1870

Въ книжныхъ магазинахъ В. А. Березовскаго (Спб. Колокольная, 14), А. И. Ильина (Екатерининская, 3), и Н. П. Карбасникова (Литейный, 46)

имѣются въ продажѣ слѣдующія сочиненія

А. Ѳ. ПОГОССКАГО,

изданный подъ его редакціей:

Амчутка-бизинтъ. Повесть. Изъ устъ-Сораводужъ.	10 к.	Петръ Великій, преобразова- тель Россіи	30 к.
Первый нинонуръ. Птичій даръ. . .	10 .	Изъ прошлаго и настоящаго . . .	10 .
Всѣхъ шиваловъ шило	10 .	Походъ куда вѣдѣть. Солдат- ская игра.	20 .
Медвѣжья наука. Собачій за- стрѣланный	10 .	Мирсай дѣтин. Повесть.	10 .
Посестри-Танька. Спб., 1898 г. . .	25 .	Неспособный чужеземецъ. Повесть. Съ рисунками В. Шпана.	25 .
Солдатские нивы. Повесть.	10 .	Подосновини. Повесть.	20 .
Айшесъ кутерь. Очень страш- ное, но сомнительное про- свѣщеніе.	10 .	Земля, вода и воздухъ	30 .
Наши богатыри. Дѣвчонки	50 .	Камни Премисны. Очеркъ изъ мѣстныхъ дѣлъ солдатскихъ. . . .	10 .
Сборникъ. Проза и стихи.		Майорская дочка. Повесть съ рисунками В. Шпана	25 .
Книга первая	30 .	Судъ провинція	5 .
Книга вторая	30 .	Молитвенникъ моей жены	10 .
Сибирячка. Повесть.	35 .	Веселый гость	5 .
Темный. Изъ записокъ про- шлаго	30 .	Суходольщина. Повесть.	30 .
Пестрая женщина	15 .	Солдатскія записки. Повесть. . . .	20 .
Господинъ Молодикъ. Повесть . . .	20 .	Оборона Севастополя	1 р.
Старикъ. Галенскъ изъ Крым- ской войны	20 .	Отечественная война 1812 года. . .	30 к.
Сорочки гильды. Повесть	30 .	Лѣтопись событій отечествен- ныхъ, персонныхъ и міро- выхъ	20 .
Пьяный Иванъ Ивановичъ Из- явъ. Разсказъ изъ Крым- ской войны	15 .	Сказаніе о Царьградѣ	10 .
Музыкантъ. Повесть	35 .	Рубашки и Севастопольскій обо- ронъ, собранный Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 4 книжки	1 р.
Чертовщина. Путешествіе на луку. Мудрый Судья. Повесть. . . .	30 .	Александръ Васильевичъ Суво- ровъ. Спб. 1898 г.	25 к.
Куча денегъ. Триразская. Изъ воспоминаній банкроты	20 .	Жареный гусь. Шутня. Розей въ уст. и 5 жонка	15 .
Дѣдушка Назарычъ. Повесть. . . .	20 .	Изъ природы. Спб., 1900 г.	10 .
Шутякины Ночилоръ. Записки Вероты и въ автомату	25 .	Судъ людскій и Божій. Изд. 3-е. Спб., 1900 г.	10 .
Отставное счастье. Изъ ста- рыхъ записокъ. Два война.	20 .	Франко-Прусская война. Исто- рическій очеркъ. Изд. 2-е. Спб., 1900 г.	20 .
Наши добрые слуги-чепироморы Мария и Пятая. Съ портре- томъ Петра	30 .		

2007054356